

МИРОВОЙ **M** БЕСТСЕЛЛЕР

СЬЮ
ПРАСЯТОН
Н-ЗНАЧИТ
НЕВИНОВЕН

Нордон

Кинси Милхоун

Сью Графтон

«Н» – значит невиновен

1992

Графтон С.

«Н» – значит невиновен / С. Графтон — 1992 — (Кинси Милхоун)

Что, не женское это дело – выслеживать и задерживать преступников? Для Сью ГРАФТОН такого вопроса не существует. Ее героиня, частный детектив Кинси Милхоун, расследует убийство... и, как выясняется, не одно. Клубок противоречий, череда подозреваемых, неожиданная развязка – события проносятся по страницам этого захватывающего романа, как сметающий все на своем пути тайфун.

Содержание

1	6
2	12
3	18
4	25
5	31
6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сью Графтон
"Н" – значит невиновен

Моей внучке Эрин с любовью и от всего сердца

1

Должна признаться – момент смерти предстал мне не таким, как я о нем читала. Собственная жизнь в одно мгновение не пронеслась перед моим внутренним взором. Не было манящего сияния в конце туннеля, и душа не трепетала в предчувствии близкой встречи с родными и близкими, уже ушедшими от нас. Единственное, что осталось в памяти от тех минут, это чей-то назойливый голос, выкрикивающий раздраженно: «Ну и ну! Ты что это, всерьез? Неужели она того?..» По правде говоря, тогда меня больше беспокоило, что накануне я тан и не успела убрать вещи в комод. А ведь собиралась. И теперь те, кто будут выносить мое мертвое тело, унесут с собой массу неприятных впечатлений о разбросанном по всей комнате нижнем белье.

Вы, конечно, можете усомниться в достоверности того, что я чувствовала в последние мгновения, так как я не умерла. Думала, все, конец, а осталась жива. Давайте не будем слишком придирчивы – в жизни не бывает чудес, и, по моему глубокому убеждению, вряд ли в обход этой аксиомы смертным дано получить в конце своего пути что-то из ряда вон выходящее.

А зовут меня Кинси Милхоун. Занимаюсь частными расследованиями, имею лицензию, работаю в округе Санта Тереза – это девяносто пять миль к северу от Лос-Анджелеса. В течение семи последних лет я возглавляла собственное маленькое агентство, которое располагалось в здании, принадлежащем страховой компании "Калифорния фиделити". Договор с компанией предусматривал, что в качестве компенсации за престижное помещение для офиса я буду заниматься расследованиями умышленных поджогов и смертей их клиентов. "По мере необходимости" – так было записано в соглашении. "Необходимость" отпала в начале ноября, когда в Санта Терезу перевели рвущегося в бой специалиста именно по этим вопросам. Раньше он работал в другом отделении компании – в Палм-Спрингс.

Я и не подозревала, что меня каким-то боком коснутся кадровые перестановки в "Калифорния фиделити". Что ни говори, я была "на договоре" и никоим образом не могла ущемить интересов кадрового сотрудника. Однако в ходе нашей первой (и единственной) встречи мы таки сумели невзлюбить друг друга. За пятнадцать минут знакомства я успела нагрубить, нахамить, наскандалить, а вот извиниться не успела. В результате я оказалась на улице со всеми своими досье, распиханными кое-как по картонным коробкам. Не буду добавлять, что как раз перед этим мне удалось собрать материал и сорвать многомиллионное надувательство по автомобильным страховкам. Махинаторы были разоблачены и меня ЩЕДРО отблагодарили в компании: душка Мак-Вури, их вице-президент, долго не отпускал мою руку и наговорил кучу комплиментов. Ценный подарок, ничего не скажешь, только он никак не решал насущных проблем. Мне нужно было работать. А для работы требовался офис. Моя квартира для этих целей не годилась – слишком маленькая. И потом – это непрофессионально. Среди клиентов встречаются разные типы и совсем необязательно, чтобы эти мужланы знали, где я живу. У меня и без них забот хватает. Недавно, например, хозяин вдвое поднял плату за жилье. Он и сам был расстроен по этому поводу, но другого выхода не было – владельцев задавили налогами. Квартплата все же осталась в пределах разумного, я не жалею, просто все это было не ко времени – меня тоже задавили... выплаты за "новую" машину – "фольксваген" 1974 года выпуска, знаете, была такая модель. Вообще, машина неплохая, приятного голубоватого цвета, вот только со стороны ее заднего моста доносится какое-то подозрительное посвистывание. И при том, что на жизнь стараюсь тратить минимум, все равно в конце месяца не остается ни гроша.

Многие говорят, что каждый уволенный лелеет в душе спасительное чувство освобождения, но я в это не верю. Разве приятно получить в минуту торжества под зад коленом? По моему, увольнение с работы ничем не лучше супружеской измены. Весь в дерьме с головы до ног. Воздух, который держал тебя на плаву, весь вышел, и ты неумолимо идешь ко дну. За

несколько дней, прошедших после увольнения, я прошла через гнев, самобичевание, поиски выхода, увлечение спиртным. Заплетающийся язык, холод в голове, неловкие жесты, тревога и путаница в мыслях сменяли друг друга. Была отдана дань и поиску виноватого. Затем я заподозрила, что сама навлекла несчастье, поддавшись дремавшему в подсознании мазохизму. Возможно, "Калифорния фиделити" просто надоела мне до чертиков. Не знаю. Возможно, мне хотелось сменить обстановку. Как бы там ни было, я начала возвращаться к жизни и почувствовала, как оптимизм медленно заполняет все сосуды, подобно сладкому кленовому сиропу. Я должна не просто выжить. Я должна **ВЫЙТИ ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЕЙ**.

К тому времени была уже решена проблема аренды офиса – в адвокатской конторе Кингмана и Ивса. Лонни Кингман, страстный поклонник бодибилдинга. Он все время накачивался стероидами, тестостероном, витамином В12 и кофеином. Его пегая шевелюра вызывала в памяти пони в процессе осенней линьки. Судя по носу, случай тоже не щадил его. На стенах его конторы красовались дипломы, свидетельствующие, что степень бакалавра он получил в Гарварде, а степень магистра – в Колумбийском университете. Их дополнял документ о почетной степени от Юридической академии в Стэнфорде.

Его коллега, Джон Ивс, не менее обласканный степенями, не выставлял их напоказ. Коньком его считались апелляции по гражданским делам. Здесь он был вне конкуренции и славился нетривиальным подходом к делу, глубиной анализа и великолепным слогом. Шесть лет назад Лонни и Джон основали свою фирму и уже успели обзавестись двумя секретаршами, секретарем для работы с клиентами и клерком, который одновременно выполнял обязанности курьера. В конторе также работал третий адвокат – Мартин Челтенхем. Друг Лонни, он не был его партнером, а просто арендовал офис.

Интересные дела, казалось, сами плыли к Лонни Кингману. Известный блестящей защитой по уголовным делам, он чувствовал слабость к сложным процессам, связанным с незаконным получением страховок. На почве таких дел мы и познакомились – мне довелось помогать Лонни в одном из них. Он мог перекинуть на меня часть своей работы, и вообще его рекомендации многое значили в моей карьере. Поэтому я сразу же согласилась, когда он предложил поработать на него в качестве частного детектива. Как и в случае с "Калифорния фиделити", это была работа по договору – я получала ровно столько, на сколько старалась. Пока же в качестве аванса по случаю такой удачи я купила твидовый пиджачок, который неплохо дополнял обычный мой наряд из джинсов и свитера. В общем, дань моде была отдана.

В один из декабрьских понедельников я впервые познакомилась с делом об убийстве Изабеллы Барни. В тот день мне пришлось дважды смотаться в Коттонвуд, проделав в общей сложности двадцать миль, чтобы срочно вручить повестку о явке в суд свидетелю по делу о хулиганстве. В первый раз этого человека не оказалось дома. Во второй я ухватила его в тот момент, когда он заехал в гараж, возвращаясь с работы. Вручив бумагу и не обращая внимания на его кислую физиономию, я тут же помчалась прочь, включив радио на полную громкость. Несмотря на эту своевременную меру, ушей моих коснулась пара слов, давненько не слышанных. На обратном пути я решила заехать к себе на службу.

Первый этаж дома Кингмана занимал гараж, два остальных предназначались для офисов. На улицу выходили шесть высоких, застекленных сверху дверей с красивыми медными ручками. Арка в правой части здания вела во внутренний двор, где была стоянка для машин. Места там было немного, но на двенадцать машин вполне хватало. Четыре места занимали машины Лонни, Джона, Мартина и Иды Руфь – секретарши Лонни. Остальные достались давним его арендаторам. Мне же, как и некоторым другим, оставался выбор между парковкой прямо на улице или на стоянке в трех кварталах от офиса. Плата за парковку довольно низкая, но машину можно ставить только на полтора часа, иначе – оперативный штраф. Вот и приходилось то и дело выскакивать на улицу и переставлять машину в другое место. Слава Богу, это испытание было не беспредельным: после шести вечера время стоянки не ограничивалось.

В тот день я подъехала к своему офису в 18.15.

Света на третьем этаже не было, значит, владельцы офисов уже разъехались по домам. Я смело въехала под арку и увидела на стоянке машину Лонни. "Тойоты" Иды Руфь уже не было. Ее место я и заняла бок о бок с "мерседесом" Лонни. На стоянке находился незнакомый мне "ягуар". Я высунула голову из машины и, едва не сломав себе шею, сумела увидеть, что в окнах офиса Лонни горит свет. Вероятно, у него был клиент.

На улице было уже достаточно темно. В такое время лучше всего оказаться поближе к камину, в хорошей компании, потягивать коктейль, который щекочет самолюбие престижной этикетной, но, если сказать честно, по вкусу больше напоминает лекарство. Я решила, что мне необходимо поработать сегодня вечером, хотя прекрасно понимала, что это всего лишь повод для того, чтобы не идти домой.

Я заперла машину и стала подниматься по лестнице, которая по причуде архитектора расширялась кверху. Глаза ничего не видели, пришлось достать фонарик-брелок. В коридоре третьего этажа свет падал только из-за стеклянной двери приемной Лонни. Днем третий этаж смотрелся совсем неплохо – яркий оранжевый ковер на полу, белые стены, темная скандинавская мебель. Декоративная зелень и рисунки пастелью на стенах великолепно дополняли картину. Мне отдали комнату, которую когда-то использовали под конференц-зал и столовую. Теперь здесь стоял письменный стол, вращающееся кресло, висела полка с досье, телефон с автоответчиком. Другое кресло при необходимости превращалось в кровать. Мой телефон на страницах адресной книги все еще находился в рубрике "Частные детективы", но в номер уже были внесены изменения. В последнее время мне пришлось изрядно побегать, высунув язык, чтобы свести концы с концами. На двадцать долларов в час не очень-то разгуляешься, но удавалось иногда перехватить сотню-другую, так что на жизнь пока хватало.

Я собиралась потихоньку прошмыгнуть к себе, чтобы не побеспокоить Лонни, занятого с клиентом. Дверь в его офис была открыта, и, проходя мимо, я заглянула туда. Лонни действительно разговаривал с клиентом, но, заметив меня, сделал приглашающий жест: "Кинси, зайди на минутку. Мне бы хотелось, чтобы ты приняла участие в нашем разговоре".

Клиент Лонни сидел в глубоком кресле, спиной ко мне. Лонни поднялся, здороваясь со мной, вместе с ним встал и клиент. Нас представили друг другу. Не знаю, понятно ли я выражаюсь, но у этого человека была явно черная аура.

– Кеннет Войт, – представил его Лонни. – А это – Кинси Милхоун, частный детектив, о которой я вам только что говорил.

Мы протянули руки и пробормотали несколько заученных приветствий, приглядываясь друг к другу. Человеку было слегка за пятьдесят, у него были темные волосы и темные глаза. Лицо худощавое, неизменно мрачное из-за глубоких складок у переносицы, широкий лоб перечеркнут прядью волос. Он попытался улыбнуться, но попытка не удалась. От невероятных усилий у него даже лоб покрылся испариной. Впрочем, возможно, он просто забыл снять пальто, когда пришел к Лонни, и сделал это лишь сейчас, перед тем как сесть в кресло. На нем была рубашка спортивного типа с короткими рукавами и расстегнутым воротником, так что видны были колечки волос на груди. Руки также были обросшие до черноты. Узкие плечи, неразвитые мускулы... Должно быть, спортом он занимался только для того, чтобы снимать стрессы. Он достал из кармана платок и провел им по лбу.

– Я хотел бы, чтобы Кинси выслушала эту историю, – сказал Лонни, обращаясь к Войту. – Сегодня она еще успеет поработать с досье, а завтра утром начнет действовать.

– Значит, мне повезло, – снова попытался улыбнуться Войт.

Мужчины сели, а я забралась с ногами в кресло, которое стояло в углу, мысленно настраиваясь на неплохую прибыль: Лонни никогда не имел дел с проходимцами без гроша в кармане.

Лонни вкратце ввел меня в курс дела, затем добавил:

– Частный детектив, который занимался расследованием, скончался от сердечного приступа. Это Морли Шайн, ты знала его?

– Ну конечно! Морли умер? Когда же это случилось? – Я не верила своим ушам.

– Вчера вечером, около восьми часов. Я уезжал на уик-энд и узнал об этом только сегодня утром, когда мне позвонила Дороти, его жена.

Морли Шайна я знала Бог ведает сколько лет. Мы не были с ним близкими друзьями, но я всегда могла обратиться к нему за помощью в трудную минуту. Тот человек, который учил меня ремеслу частного детектива, и Морли Шайн были давними друзьями и партнерами. Потом их пути разошлись – каждый создал собственное агентство. Морли было за шестьдесят, он был высокий тучный мужчина, которому не мешало бы сбросить фунтов восемьдесят лишнего веса. Его круглое добродушное лицо всегда лучилось улыбкой. Курил он не переставая, так что пальцы уже пожелтели от табака. У него везде были свои люди – и в следственных изоляторах, и в тюрьмах, и повсюду в городе, и все были готовы дать ему любую информацию. Я сказала себе, что непременно спрошу Лонни об обстоятельствах смерти Морли. Сейчас же мое внимание отдано было Кеннету Войту, который приготовился повторить всю эту историю с начала.

Войт какое-то время сидел молча, уставившись в пол, безвольно сложив руки на коленях. Наконец он начал:

– Мою бывшую жену убили шесть лет назад. Ее звали Изабелла Барни. Вы помните эту историю?

Эти имя и фамилия ничего мне не говорили.

– Нет, не помню, – сказала я уверенно.

– Убийца сумел выкрутить часть дверного глазка со стороны улицы. Затем он постучал в дверь, и, когда она включила на крыльце свет и припала к глазку, он выстрелил через отверстие из револьвера 38-го калибра. Смерть была мгновенной.

Внезапно я вспомнила.

– Так это была она? Да-да, теперь припоминаю. Не может быть, чтобы прошло уже шесть лет. – Я чуть было не лягнула, что обвиняемым на процессе был муж этой несчастной, но успела прикусить язык. Это был явно не Кеннет Войт, но тогда кто же?

Я переглянулась с Лонни. Он каким-то образом понял, что именно меня интересовало.

– Обвиняемого звали Дэвид Барни. Кстати, к твоему сведению, на суде его оправдали.

Войт заерзал в кресле, услышав эту фамилию.

– Мерзавец, – процедил он.

– Продолжай, Кен, – сказал Лонни. – Извини, я тебя перебил. Расскажи заодно все, что предшествовало этой драме.

Войт опять стал собираться с мыслями.

– Мы жили с ней вместе четыре года... для обоих это был второй брак. У нас тогда появилась дочь, мы назвали ее Шелби. Она сейчас учится в интернате. Когда Изу убили, ей было всего четыре года. Ну конечно, у нас с Изой были проблемы... у кого их нет. Потом она увлеклась этим Барни. Они поженились через месяц после нашего с ней развода. Ему нужны были только ее деньги, больше ничего. Об этом все знали, все, кроме нее. Глупенькая, она ничего не хотела слушать. Поймите меня правильно – я действительно ее любил, но такой она была, всякий мог обвести ее вокруг пальца. Иза была талантливой, но совершенно не знала себе цену и готова была идти за всяким, кто наговорит ей комплиментов. Вы наверняка знакомы с таким типом женщин: ими можно управлять как угодно. Она была талантливым художником, и у меня сердце сжималось, когда я видел, на кого она растрчивает свою жизнь...

Я вдруг поняла, что уже не воспринимаю его рассуждения о женских характерах, вместо этого слышу неприкрытую озлобленность. Вероятно, от частого повторения рассказ о бывшей жене потерял первоначальный смысл и уже не вызывал сочувствия. Речь шла не о ней, а ско-

рее о нем самом, его ощущениях. Я обратила внимание на гору папок на столе Лонни. Кое-где на обложках виднелись надписи – ВОЙТ/БАРНИ. Кроме того, немало досье, вероятно, относящихся к делу, стояли в коробках у стены. Скорее всего, все, что рассказывает Войт, там и находится, а лирические отступления можно и пропустить. То, что он говорил, было, вероятно, правдой, однако доверия он не вызывал никакого. Встречаются такие типы. Самые обычные вещи в их изложении звучат донельзя фальшиво. Он топтался на одном месте своего рассказа, хотя речь его лилась непрерывно, не оставляя пауз, в которые можно было бы вклинить. Как только Лонни это выдерживает? Кстати, я заметила, что в какой-то момент он тоже отключился, завертел в руках свою ручку, не обращая внимания на собеседника. Я перевела взгляд на Кеннета Войта.

– Так как же этому парню удалось вывернуться? – Я все-таки нашла щелку в монолите его речи.

Лонни в этот момент тоже очнулся.

– Обвинителем на процессе был Динк Джордан, – вмешался он в разговор. – Боже, какая там была скукота! Он, конечно, знает свое дело, но подать себя совершенно не умеет. Вероятно, он думал, что выиграет дело, полагаясь только на имеющиеся факты. – Лонни засопел от недовольства. – Так вот, теперь мы снова пытаемся выдвинуть против этого подонка обвинение в умышленном убийстве. Ненавижу его! Просто ненавижу. Когда его оправдали на процессе, я предлагал Кену где-нибудь подстеречь его и исколошматить. Честное слово. Но Кена разве уговоришь? И мы опять начали накапливать материалы, чтобы пустить их в дело, но Кен просил подождать.

Войт опять заерзал в кресле и нахмурился.

– Вы были правы тогда, Лон. Сейчас я это понимаю, но поймите и меня в тот момент. Моя жена, Франческа, была категорически против возобновления процесса. Для всех это так болезненно... а для меня особенно. Я бы просто не выдержал.

Лонни старался не смотреть на него. Он никогда не испытывал симпатий к тем людям, которые прикидывают, выдержат они или нет. Работа предполагала, что он должен ВЫДЕРЖАТЬ все. А Войт не давал ему развернуться.

– Ну ладно, ладно, – примирительно сказал Лонни, – все течет, все меняется. Мы собирали материалы для предъявления обвинения целый год. Дэвид Барни тем временем транжирил доставшиеся ему деньги. Большая часть из них по праву принадлежит дочери Кена и Изы – Шелби. Она бы их и получила, если бы обвинение подтвердилось. Сейчас семья уже не может спокойно наблюдать это безобразие и готова к новому процессу. Адвокат Барни, его фамилия Фосс, времени не теряет и направляет судье прошение о прекращении дела ввиду отсутствия факта преступления. Я со всех ног бегу к судье и на коленях умоляю его не спешить. Прошение отклонено, но судья уже начинает косо на меня поглядывать.

На следующем этапе Дэвид Барни и та лиса, которая представляет его интересы, начинают использовать любые мыслимые и немыслимые предлоги для того, чтобы оттянуть начало процесса. Чего они только не изобретают! Но мы-то уже кое-что понимаем! Если парня оправдали в суде по уголовным делам, то чего ему опасаться, спрашиваю я? Но он крутится, как рыба на сковороде. Натянут как струна. Рыльце-то у него в пушку! Да, еще одна вещь. Этот момент стоит перепроверить. До Кена дошли слухи об одном парне... во время предварительного заключения он сидел в одной камере с Дэвидом Барни. Он там до сих пор сидит. Так вот, в суде встречаю я этого парня, и он признается, что слышал от Барни интересное заявление. Когда тот после оправдательного приговора покинул зал суда, то прошептал ему на радостях, что это все-таки он убил жену. Его информацию надо перепроверить, поэтому прошу тебя заняться этим в первую очередь.

– А какой во всем этом смысл? – спросила я. – Ведь Дэвиду Барни уже нельзя предъявить обвинение в убийстве.

– Это верно. Именно поэтому мы и перенесли наше обвинение в суд по гражданским делам. На этом поле у нас куда больше шансов добиться успеха, и негодяй прекрасно это понимает. У него явно дрожат коленки, он выкручивается как может. Мы направляем наше обвинение в суд. У его адвоката есть тридцать дней, чтобы подать апелляцию. Он выжидает двадцать девять дней и подает ее, придравшись к каким-то процессуальным вопросам. Все начинается сначала.

Мы добиваемся вызова Барни для допроса, а он ссылается на Пятую поправку к конституции и отказывается от дачи показаний. Тогда мы вызываем его в суд, и судья объясняет, что в его случае Пятая не действует. Он начинает тяжбу по процедурным вопросам, он ходит вокруг да около...

– Лонни, – тихо позвала я.

– Мы топчемся на месте, и время работает против нас. Истекает срок давности, но мы все-таки добиваемся включения нашего дела в первоочередном порядке. И вот теперь эта история с Морли...

– Ло-о-о-н-н-н-и-и-и, – напоминаю я о себе и даже начинаю махать рукой.

Наконец он останавливается.

– Просто скажи, что вам нужно. Я пойду и постараюсь все раздобыть.

– Вот за это я ее и люблю! – Лонни смеется и показывает не меня пальцем. – Никакой болтовни, только дело, – говорит он Войту. Затем подталкивает гору материалов в мою сторону: – Это все, что у нас есть. Не все разложено по полочкам, но ничего не поделаешь. Сверху перечень досье – проверь, все ли на месте. Как только познакомишься с основными фактами, мы решим, чего еще не хватает. Вам, кстати, не помешает получше познакомиться друг с другом, так как в ближайший месяц наверняка придется много работать вместе.

Войт и я вежливо улыбаемся, глядя на Лонни и избегая глядеть друг на друга. Кажется, как и мне, ему тоже не улыбается такая перспектива.

2

Я закончила разбирать досье только к полуночи. Можно не удивляться – папки по делу Изабеллы Барни едва вмещались в две картонные коробки, каждая весом по сорок фунтов. Я чуть не надорвалась, перетаскивая их из кабинета Лонни в мой офис. Но поскольку твердо решила покончить с бумажной работой за один раз, то настроилась сидеть допоздна. Лонни не шутил, когда предупреждал меня о перепутанных досье, сваленных как попало. Судя по перечню, в первой коробке должны были находиться копии полицейских донесений, материалы по уголовному делу, а также вся переписка Лонни с судом по гражданским делам. Но я сразу убедилась, что многих бумаг просто не хватает, а другие перепутаны так, что черт ногу сломит.

Во второй коробке полагалось лежать материалам, собранным Морли. Это могли быть протоколы бесед со свидетелями, разного рода справки, отчеты Морли. Мне крупно повезло. Я обнаружила список свидетелей, с которыми успел поговорить Морли Шайн. Судя по всему, он докладывал о результатах работы каждый месяц, начиная с июня. Тогда нескольких отчетов явно не доставало. Создавалось впечатление, что Морли встретился примерно с половиной свидетелей, практически все они выступали на уголовном процессе. Обнаружилось восемь повесток для явки в суд по уголовным делам... Остальные, по-видимому, придется разыскивать где-то в другом месте. На одном из неряшливо заполненных формуляров я прочитала наконец фамилию свидетеля, который слышал от Дэвида Барни признание в убийстве. Кэртис Макинтайр. Была пометка, что телефон у него отключен, а по адресу, указанному в справочнике, он уже давно не проживает. Этого свидетеля я взяла на заметку в первую очередь, как и просил Лонни.

Я пролистывала протоколы допросов, делая для себя заметки. Когда собираешь "пазл", мозаику, надо сначала хорошенько взглядеться в картинку на коробке – элементы потом будут складываться целыми блоками. Примерно тем же я и занималась, вырабатывая общее представление. Конечно, в любом случае придется повторить кое-какие ходы Морли Шайна, но только он действовал наудачу, а я собиралась копнуть поглубже там, где он снял лишь поверхностный слой. Предстояло еще решить, что делать с недостающими материалами. У меня был перечень документов, и я собиралась вытряхнуть все из коробок и попытаться понять, чего же не хватает. Очевидно, в некоторых случаях Морли шел по ложному следу, и материалы по этим версиям не представляли большого интереса. Если только не обнаружится что-нибудь свеженькое. Я подумала, что часть досье наверняка у Морли дома. Я же сама частенько беру работу домой.

Суть дела оказалась именно такой, какой ее изложил Кеннет Войт. Изабеллу Барни убили между часом и двумя ночи двадцать шестого декабря. Оружие было 38-го калибра. Стреляли в упор через глазок входной двери ее дома. Эксперты по баллистике назвали это "контактным выстрелом", отверстие в двери стало как бы продолжением ствола пистолета, а глаз Изабеллы находился в непосредственной близости от глазка двери. При выстреле фрагменты дерева разлетелись под прямым углом как внутрь помещения, так и наружу. Не исключено, что они попали и в убийцу. Баллистики предполагали, что часть "материала" могла попасть в ствол и заклинить его, что делало возможность второго выстрела проблематичной.

Отверстие в двери слегка обгорело, внутри и вокруг обнаружены следы пороха. Дробь и остатки голубой пластмассы, извлеченные из раны, указывают на то, что стреляли специальной пулей, предназначенной для стрельбы без рикошета. У пули имеется пластмассовый наконечник, а дробь помещена в медный капсюль. При попадании в живую ткань наконечник расплющивается, капсюль разрывается, и дробь, быстро теряя инерцию, остается в ткани. То

есть такая пуля не причинит вреда тем, кто находится даже в непосредственной близости от жертвы. Да, подумала я, убийце не откажешь в предусмотрительности.

Судя по отчету патологоанатома, пуля вместе с фрагментами металла и дерева попала в правый глаз жертвы. В протоколе вскрытия подробно описывается эта кошмарная картина в мозговой ткани. Даже мне, несведущей в медицине, было ясно, что умерла Изабелла мгновенно, не испытав никакой боли. Мозг даже не успел послать сигнал об агонии.

Конечно, после таких описаний теряешь веру в людей. Поэтому я отключила всякие чувства, просматривая имеющиеся в деле рентгеновские и фотографические снимки. Вообще-то я смотрю на такие вещи профессионально и считаю, что слишком часто уходить от них нельзя. Так вот, там было десять цветных фотографий – и ни в каком кошмарном сне такого не увидишь. Вот так и выглядит смерть, напомнила я себе. Вот так и выглядит убийство. Мне приходилось не раз встречаться с убийцами – любезными, милыми и такими обходительными, что казалось, это и не они вовсе недавно убили человека. Мертвые же не говорят, и уже одним этим стоят выше суесящихся, оправдывающихся убийц. Фотографии Изабеллы Барни были безмолвным обвинением, криком разрушенной в одно мгновение плоти. Я спрятала их в конверт, перевела дух и приступила к чтению материалов уголовного процесса, который вел Динк Джордан.

Настоящее его имя было Динсмур. Он все время безуспешно просил, чтобы его называли Деннисом. Динку было около пятидесяти, в волосах у него уже начинала поблескивать седина. Этот человек был напрочь лишен чувства юмора, к тому же природа не одарила его и даром красноречия. Как обвинитель он считался компетентным, но совершенно не умел подавать материал в суде – излагал дело так медленно и невыразительно, словно строчку за строчной читал Талмуд, вглядываясь в каждое слово. Я помню одну сцену на суде, когда Динк выступал по делу об умышленном убийстве: на скамье присяжных половина из них уже спала, а вторая падала в обморок от скуки.

Адвокатом Дэвида Барни был Херб Фосс. Я его совершенно не знала. Лонни считал его пронырой, но человек, победивший в деле Барни, вероятно, заслуживал определенного уважения.

Несмотря на то, что свидетелей убийства не было, орудия убийства не нашли, стало известно, что за восемь месяцев до него Барни приобрел револьвер 38-го калибра. В суде он показал, что пистолет у него похитили из столика в спальне в тот уик-энд, когда праздновался День Труда. Их семья устраивала большой прием в честь приезда друзей из Лос-Анджелеса Джона и Джулии Сигеров. На вопрос о том, почему он не заявил о пропаже в полицию, Барни сказал, что советовался с Изабеллой и та не захотела, чтобы их гостей заподозрили в воровстве.

По словам родной сестры Изабеллы, проблема развода возникла в их семье уже давно. Дэвид Барни утверждал, что для разрыва не было серьезных причин. Однако история с пистолетом добавила масла в огонь, и Изабелла попросила мужа подыскать себе другое место для жилья. Возник также спор о том, можно ли было считать их союз распавшимся или нет. По мнению Барни, их брак был вполне жизнеспособен, мелкие разногласия можно было сгладить, отрегулировать. Со стороны же казалось, что между Изабеллой и Дэвидом все кончено.

Как бы то ни было, события разворачивались с трагической быстротой. Дэвида Барни выставили за дверь пятнадцатого сентября, и с этого времени он не оставлял попыток вновь завоевать расположение Изабеллы. Он все время звонил ей. Посылал цветы и подарки. Когда его назойливость начала действовать ей на нервы, вместо того чтобы сделать паузу, он удвоил усилия. На капоте ее машины каждое утро появлялась красная роза. На пороге дома она находила подарки, драгоценности, регулярно получала от него открытки с признаниями в любви. Чем больше она отталкивала его, тем назойливее он становился. Весь октябрь и ноябрь он звонил ей день и ночь и вешал трубку, как только она подходила к телефону. Изабелла сменила номер телефона, но он раздобыл его и пользовался им на всю катушку. Она купила автоответ-

чик – звонил и занимал линию до тех пор, пока в кассете автоответчика не кончалась лента. Изабелла говорила друзьям, что знает теперь, что такое осада.

Тем временем Барни присмотрел жилье в ее районе и взял его в аренду. Если она уезжала из дома, он следовал за ней. Если она оставалась дома, он припарковывал напротив свою машину, вооружался биноклем и вел наблюдение за всеми ее посетителями. Изабелла вызвала полицию, писала жалобы. В конце концов ее адвокат добился судебного решения, по которому Барни запрещалось писать, звонить ей, приближаться ближе чем на двести ярдов – к ней, ее дому и автомобилю. На какое-то время Барни умерил свой пыл, но затем все возобновил с новой силой. Изабелла была в отчаянии.

К Рождеству она превратилась в невротичку, почти ничего не ела, мало спала. У нее дрожали руки, она взрывалась по любому поводу и напоминала затравленного зверя. Она стала много пить, совершенно не выносила одиночества. Дочь Шелби она отослала к своему первому мужу. К тому времени Кен Войт уже успел жениться, но, по словам очевидцев, так и не смог оправиться после разрыва. Изабелла жила на одних транквилизаторах, на ночь затыкала себе уши ватными тампонами. Старые ее приятели Сигеры уговорили ее поехать с ними в Сан-Франциско. Они были на пути в Санта Терезу, когда их задержали какие-то неполадки в системе зажигания. Сигеры позвонили Изабелле домой и оставили для нее сообщение на автоответчике.

Начиная с полуночи и примерно до 0.45 ночи, Изабелла, измученная ожиданием, проговорила с подругой, с которой она когда-то училась в колледже. Подруга была из Сиэтла. Через некоторое время она, вероятно, услышала, что кто-то скребется в дверь. Спустилась вниз, предполагая, что приехали Сигеры. Она была уже одета по-дорожному, во рту у нее была сигарета, чемоданы стояли в прихожей рядом с дверью. Она изнутри зажгла свет на крыльце и прильнула к дверному глазку. Вместо гостей она увидела дуло пистолета...

Сигеры подъехали к ее дому в 2.20 и сразу заподозрили что-то неладное. Они разбудили сестру Изабеллы, которая жила неподалеку в коттедже. Сестра открыла своим ключом заднюю дверь особняка. Сработала сигнализация. Они сразу же обнаружили мертвое тело, и Сигеры вызвали полицию. Когда медицинский эксперт прибыл на место происшествия и измерил температуру тела, термометр показал 98,1 градуса по Фаренгейту. По формуле Морица, сделав поправку на вес тела, теплопроводность мраморного пола и одежды, эксперт установил время смерти: между часом и двумя ночи.

На следующий день в полдень по подозрению в совершении преднамеренного убийства был арестован Дэвид Барни. При аресте он заявил о своей невиновности. Уже в самом начале следствия было ясно, что имеющиеся против него косвенные улики достаточно легко опровергнуть. Однако по законам штата Калифорния две составляющие обвинения в убийстве – смерть жертвы и преступное намерение – могут быть обоснованы как путем логических рассуждений, так и совокупностью имеющихся улик. Обвинение в умышленном убийстве может быть поддержано судом даже в том случае, если нет прямых улик или признания обвиняемого. По брачному контракту Дэвид Барни в случае развода имел лишь ограниченные права на имущество. В то же время в случае ее смерти он являлся прямым наследником и получал ее долю имущества, которая оценивалась в два миллиона шестьсот тысяч долларов.

У Дэвида Барни не имелось твердого алиби на момент совершения преступления, и Динк Джордан полагал, что он добьется легкой победы в суде.

Судебный процесс продолжался три недели. После долгих раздумий присяжные вынесли оправдательный вердикт. Дэвид Барни вышел из суда не только свободным, но и богатым человеком. В дальнейшем некоторые присяжные признали, что были убеждены в виновности обвиняемого, но их не убедили аргументы обвинения и они проголосовали за оправдание. Именно этот момент и учитывал Лонни Кингман, когда собирался организовать новый процесс в суде по гражданским делам. Он решил сделать упор на убийстве из корыстных побуж-

дений. В гражданском суде виновность доказывается на основе имеющихся свидетельств, а не на основе принципа "достаточной убедительности", как это принято в суде по уголовным делам. Насколько я понимаю, истец, Кеннет Войт, должен был доказать, что Дэвид Барни убил Изабеллу и что убийство было умышленным и совершено из корыстных побуждений. Задача облегчалась тем, что в гражданском суде принцип доказательств был совсем другим. И цель другая – никто не хотел сажать Барни в тюрьму, нужно было отнять у него возможность распоряжаться деньгами погибшей.

Листая досье, я вдруг поняла, что начинаю зевать и клевать носом. Буквы расплывались, ускользал смысл написанного. Морли Шайн вел досье крайне неряшливо, я чувствовала, что начинаю сердиться. Меня всегда раздражает, когда кто-нибудь относится к работе спустя рукава. От этого очень устаешь. Я оставила досье на своем столе и стала собираться домой. Через несколько минут я уже закрывала входную дверь дома Лонни Кингмана.

На стоянке была только моя машина. Я выехала на шоссе и, свернув направо, двинулась в город. На пересечении со Стейт-стрит я повернула налево. На улицах ярко освещенных жилых кварталов Санта Терезы не было ни души. Большинство домов здесь двухэтажные, с мощными фундаментами. Это урок землетрясений. Летом 1968 года серия подземных толчков колебалась от 2,5 до 5,2 по шкале Рихтера. От самых сильных толчков выплеснулась вода из плавательных бассейнов.

Когда я проезжала мимо бывшего своего пристанища, дома номер 903 по Стейт-стрит, что-то заняло в груди от воспоминаний. Наверное, мой уютный офис уже занят. Надо будет позвонить Вере – менеджеру "Калифорния фиделити", расспросить, что новенького у них со времени моего увольнения. Давно я с ней не виделась, с тех пор, как была на ее свадьбе с Нилом. Вместе с прежней работой я потеряла многих приятелей – Дарси Паско, Мэри Белл-флауэр. Раньше я даже не могла представить, что можно праздновать Рождество с кем-то другим, на новом месте.

Погрузившись в воспоминания, я едва не вылетела на красный свет у перекрестка шоссе Анаконда со 101-й дорогой. Пришлось ждать долгих четыре минуты, пока загорится зеленый свет. Я опять нажала на полный газ и, проехав перекресток, свернула направо на бульвар Кабана, который тянется вдоль побережья параллельно линии пляжей. Затем сделала еще один правый поворот и оказалась на Бэй-стрит. Еще налево – и я уже на своей улице – узенькой, с двух сторон обсаженной деревьями. Здесь были только частные дома и всего несколько кондоминиумов. За два дома до моего нашлось место для стоянки. Я заперла машину и по привычке огляделась внимательно по сторонам. Откровенно говоря, я люблю быть одна в такой поздний час, но осторожность никогда не помешает. Я нырнула во двор, придерживав калитку, чтобы та не закрипела.

На месте моей квартиры когда-то был гараж на одну машину. Но потом кто-то взорвал в гараже бомбу. Я не стала досадовать и выстроила на руинах дополнительную квартиру с солнечным помещением на крыше. Благодаря этому взрыву я получила дополнительную спальню с ванной комнатой. У крыльца горел свет: хозяин земельного участка, на котором стоит мой дом, никогда не забывает обо мне и не ложится спать, пока не проверит, что я вернулась домой целая и невредимая. Зовут его Генри Питтс.

Я заперла за собой входную дверь и принялась за обычный обход квартиры, проверяя двери и окна. Затем включила маленький черно-белый телевизор и принялась за уборку. Днем я занята, и мне не до уборки. Бывает так, что в магазин за продуктами я иду в два часа ночи, пылесос включаю в полночь. С тех пор как я живу одна, домашних дел стало меньше, но раз в три-четыре месяца настанет время генеральной уборки – и тоже на несколько ночей. На этот раз был черед кухни. Я управилась довольно быстро и уже в час ночи легла спать.

Во вторник я поднялась в 6.00. Натянула спортивный костюм, на двойной узел завязала шкурки кроссовок. Почистила зубы, поплескала в лицо холодной водой и разлохматила волосы

на голове. На утренних пробежках я никогда не выкладываюсь, но к концу всегда чувствую, что подзаправилась энергией. На бегу я стараюсь сосредоточиться и обдумать план действий на предстоящий день, а также проанализировать события последнего времени. Значит, так... я распустилась, недостаточно сплю, ем черт знает что. Пора приходить в норму.

Пробежавшись, я приняла душ и оделась. Съела хлопья с простоквашей и отправилась в свой офис.

На работе я остановилась у стола Иды Руфь – секретарши Лонни. Ида всегда полна впечатлений после выходных, которые она проводит в конных или пеших походах или лазая по горам. Ей тридцать пять, она незамужем и сидит на вегетарианской диете. Никогда не пользуется косметикой, волосы у нее добела выгорели на солнце, а загар изумительно лег на лицо. Она умеет со вкусом одеваться, но лучше всего ее можно представить в шортах, кроссовках или альпинистских ботинках. Ида сразу предупредила меня:

– Лонни собирается в суд через десять минут. Если хочешь его застать – поторопись.

– Спасибо. Иду к нему немедленно.

Лонни был весь в делах. Он закатал рукава рубашки, галстук сбился на сторону, растрепанные волосы стояли дыбом. За его спиной в окне виднелись ярко-синее небо и приморский пейзаж. Боссу предстоял великий день.

– Дела идут? – спросил он.

– Да. Я просмотрела почти все досье. Как ты и предупреждал, там все свалено в одну кучу.

– Да, Морли никогда не отличался педантичностью.

– Конечно, у женщин это получается гораздо лучше, – сухо заметила я.

Лонни усмехнулся, не отрывая взгляда от своих бумаг.

– Нам надо обсудить твой гонорар. Сколько, ты обычно берешь в час?

– А сколько получал Морли?

– Обычно – пятьдесят, – неохотно признался Лонни.

Он наклонился, чтобы достать из ящика какие-то документы, и не видел выражения моего лица. Морли получал пятьдесят? Никогда не поверю. Одно из двух – или мужчины Бог знает что о себе возомнили, или женщины совсем поглупели. Мой стандартный гонорар всегда был тридцать долларов в час плюс расходы на бензин. Значит, все время я недополучала половину положенных мне денег!

– Ладно, прибавь к пятидесяти еще пять и забудь про бензин.

– Договорились, – просто ответил он.

– Какие будут указания?

– Решай все сама. Даю тебе карт-бланш.

– Ты серьезно?

– Конечно. Делай, что сочтешь нужным. Только не вляпайся в какую-нибудь историю. –

Он говорил это уже одеваясь, чтобы уходить: – Адвокату Барни только это и нужно. Он спит и видит, как поймают нас на нарушении закона. Так что будь осторожна.

– Это будет нелегко.

– Зато нас не попросят из суда, что самое главное.

Он посмотрел на часы, схватил с вешалки пальто, поправил галстук и захлопнул свой кейс. Он был почти у двери, когда я спросила его:

– Лонни, подожди. Так с чего ты посоветуешь мне начать?

– Найди мне свидетеля, который видел этого парня на месте преступления, – улыбнулся он, закрывая за собой дверь.

– Ничего себе! – присвистнула я в опустевшей комнате.

Придя к себе, я перелопатила еще пять фунтов неудобоваримой информации. Может, уговорить Иду Руфь, чтобы она помогла разобраться с этими проклятыми досье? Вторая

коробка была еще хуже, чем первая. Надо заехать в дом Морли Шайна и проверить, не осталось ли там документов. Но перед этим нужно сделать несколько звонков. Я уже знала, с кем надо встретиться, и решила заранее назначить свидания с этими людьми. Первая в списке Симона, сестра Изабеллы; договорились, что я подъеду к ней в полдень. Короткий разговор с некоей Иоландой Вейдман, женой бывшего патрона Изабеллы – оказывается, он будет занят до трех часов, я предупредила, что приеду после этого времени. Третий звонок предназначался Ре Парсонс, самой близкой подруге Изабеллы. Ее не было дома, я оставила сообщение на автоответчике, указав свой номер телефона и пообещав перезвонить.

3

Поскольку полицейский участок находился всего в одном квартале от моего офиса, я решила нанести визит лейтенанту Долану из отдела по расследованию убийств. Мне не повезло: он слег с гриппом и его замещала сержант Кордеро. Я заметила в углу еще одного знакомого – лейтенанта Бейкера. Вероятно, он беседовал с подозреваемым – мрачного вида молодым человеком лет двадцати, не проявляющим склонности к общению. Хотя я знала Бейкера лучше, чем Кордеро, но решила судьбу не испытывать. Чего доброго, он начнет разговор обо мне и Джонатане Робе из отдела по поиску пропавших. С Джонатаном я не виделась шесть или восемь месяцев и не собиралась возвращаться к этой теме.

Шери Кордеро была достопримечательностью отдела. Как особа женского пола и испаноязычная, она заполняла сразу две вакансии для меньшинств. Ей было двадцать девять. Небольшого роста, миловидная, но строгая, она тем не менее вызывала некий протест. Причину его я определить не могла. Нет, она никого не оскорбляла, но ребята из отдела с трудом находили с ней общий язык. Проще всего было предположить, что ей трудно сочетать полицейскую службу со своей женской сущью. Тут поневоле потеряешь чувство юмора. Она говорила по телефону, когда я подошла к ее столу, и тут же перешла на испанский. Я присела в кожаное кресло. Шери сделала знак, что скоро закончит разговор. Я увидела на столе крошечную рождественскую елку с конфетами, сняла одну с ветки и отправила в рот. Забавно наблюдать за человеком, когда он разговаривает по телефону. Шери отчаянно жестикулировала, видимо, стараясь что-то доказать своему собеседнику. У нее было хорошее лицо, простое, но хорошее, практически совсем без косметики. Сломанный край переднего зуба придавал ее лицу капризное выражение. Разговаривая, она машинально рисовала в блокноте. Из-под карандаша вышел ковбой, пораженный в грудь кинжалом.

Она закончила разговор и повернулась ко мне.

– Мне нужен был лейтенант Долан, но Эмерод сказала, что он заболел.

– Да, сейчас многие гриппуют. Вы еще не болели? Я уже провалялась неделю. Ужасная дрянь.

– Значит, мне пока везет, – сказала я. – Он давно слег?

– Два дня назад. Наверное, придет после болезни бледный как смерть. Я могу чем-то помочь?

– Да, наверное. Я работаю на Лонни Кингмана по делам о выплатах необоснованных страховок по случаю смерти. Ответчик – Дэвид Барни. Меня интересуют детали его дела. Вы уже работали здесь?

– Тогда я была еще диспетчером, но много чего слышала. Все тут чуть с ума не сошли, когда его оправдали. Все свидетельствовало против него, но присяжные не нашли оснований для обвинения. Лейтенант Долан буквально лез на стену от досады.

– Сокамерник Дэвида Барни слышал его признание, что преступление совершил именно он. Это так?

– Вы имеете в виду Кэртиса Макинтайра? Он и сейчас сидит в окружной тюрьме. Но, если хотите с ним встретиться, вам стоит поторопиться. На этой неделе его освобождают, он уже отсидел свои три месяца в предварительном заключении. Вы слышали про Морли Шайна?

– Мне сказал Лонни вчера вечером, но деталей я не знаю. Как это случилось?

– Насколько я поняла, он сам виноват. Валялся в постели с этим проклятым гриппом и вроде бы уже выздоравливал, но в воскресенье вечером решил плотно поужинать. Вы же знаете Морли. Он не мог пропустить случая поесть. Встал из-за стола и упал замертво.

– У него было что-то с сердцем?

– Да, уже давно, но он никогда к этому серьезно не относился. Наблюдался у врача, но больше так, для порядка. В общем, доигрался.

– Ужасно, – сказала я. – Так жаль человека.

– Я тоже жалею его страшно. Сама от себя не ожидала, что буду так убиваться. Когда мне об этом сказали, я рыдала и не могла остановиться. Вроде мы и не были так близко знакомы. Так, иногда болтали вместе, когда бывали в суде. У него во рту вечно была сигарета, вечно он жевал что-нибудь. Не знаю, не могу привыкнуть, что его нет. Почему они не заботятся о своем здоровье, эти мужики?

Телефон зазвонил снова, и она опять ушла в разговор. Я попрощалась и пошла к выходу. В сущности, то, что нужно, я узнала. Полицейские не сомневаются в виновности Дэвида Барни. Это ничего не доказывает, но кое о чем говорит.

Дойдя до приемной, я решила позвонить оттуда Иде Руфь, чтобы она договорилась о свидании в тюрьме с Кэртисом Макинтайром на сегодня. Вообще-то посещать изолятор можно было только по субботам, с часу до трех, но не представителю Лонни Кингмана. Да, завидная доля официального следователя! Я так долго совалась всюду через черный ход, что никак не могла привыкнуть к новому амплуа.

После этого Эмерод выдала мне домашний адрес Морли Шайна. Оказалось, что Морли жил в Колгейте, северном пригороде Санта Терезы. Раньше там были фермерские участки и цитрусовые рощи, теперь их сменило невообразимое нагромождение мотелей, ресторанов, супермаркетов, похоронных контор и жилых домов. Полная безвкусица!

Морли и его жена Дороти занимали неприятный домик на три спальни к югу от Саут-Петерсон, там, где между автомагистралью и горами когда-то и зарождался Колгейт. Судя по внешнему виду, дом строили в пятидесятые годы, когда архитекторы не задумывались об индивидуальном облике жилища. Шале швейцарского типа были или грязновато-коричневые, или синие и такие бездушные, что их не оживляло даже рождественское убранство, – я увидела во дворе у соседей Морли такие рождественские персонажи из пластмассы.

Сегодня был вторник. И, хотя Морли умер в воскресенье, было как-то неловко вторгаться в его дом. Но дело есть дело: мне позарез нужны были бумаги Морли. Я постучала в дверь и стала ждать. Морли никогда не был рабом быта, и дом также нес отпечаток небрежности своего хозяина. Краска на нем облупилась от времени и непогоды. У меня возникло смутное ощущение, что когда-то я уже была здесь. Я заранее представляла, что увижу внутри: на кухне треснутую плитку на стенах, отошедший линолеум, в коридоре – ковровую дорожку всю в пятнах, которую уже никто никогда не чистит. Потемневшие окна из алюминия, потемневшая ванна. Прямо на газоне у крыльца стоял "меркьюри". Я сразу поняла, что он принадлежал Морли. Наверно, он купил его на какой-нибудь распродаже и собирался ездить до тех пор, пока у машины не отвалятся колеса. На дорожке рядом стоял новенький красный "форд" с рекламой компании, сдающей автомобили в аренду. Вероятно, в доме есть кто-то, приехавший издалека...

– Да? – Вышедшая на крыльцо небольшого роста женщина лет шестидесяти на вид была весьма энергичной особой. На ней был халат в цветочек, на ногах шлепанцы. Она не красила свои седые волосы и почти не пользовалась косметикой. Вытирая руки о кухонное полотенце, перекинутое через плечо, она внимательно изучала меня.

– Добрый день. Меня зовут Кинси Милхоун. Вы – миссис Шайн?

– Нет, я сестра Дороти, Луиза Мендельберг. Мистер Шайн совсем недавно скончался.

– Да, я знаю, примите мои соболезнования. Дело в том, что он был занят расследованием одного дела по поручению адвоката Лонни Кингмана. Я сейчас веду это досье. Извините, кажется, я пришла не вовремя.

– Когда человек умер, удачного времени не бывает, – сказала она сухо. Сестра Дороти явно была из тех женщин, которые больше заняты по хозяйству, чем организацией похорон.

– Я отниму совсем немного времени. Так жаль, что Морли ушел от нас. Он был прекрасный человек и мне очень нравился.

Она согласно тряхнула головой.

– Я познакомилась с Морли и Дороти в колледже еще во времена Великой депрессии. Мы обе были в него влюблены. Но как же по-дурацки он вел себя все эти годы! Эти вечные сигареты, лишние килограммы, да еще выпивка. В молодости еще можно все это выдержать, но в его возрасте? Нет, тут уж не до шуток. Мы его все время предупреждали, но разве он слушал? Конечно, нет. Если бы вы видели его в это воскресенье! Весь багрово-синий, бедняга. Сердце, да еще этот грипп. Доктор сказал, что у него нарушился водно-солевой баланс, что-то вроде этого.

Она снова тряхнула головой, пытаясь сбросить тяжкие воспоминания.

– Как Дороти?

– Ничего хорошего, поэтому я и примчалась сюда из Фресно, чтобы помочь обоим. Вы знали, что она уже много месяцев больна?

– Нет, не знала, – повинулась я.

– О, да, очень больна. В июне у нее определили рак желудка. Была операция, а потом химиотерапия. От нее остались кожа да кости. Морли ужасно переживал, а ушел первым.

– Вы не знаете, вскрытие будут делать?

– Не знаю, что решила Дороти. Он был у врача всего лишь неделю тому назад. Дороти настояла на лечебной диете, и он наконец-то согласился. В таких случаях вскрытие необязательно, но вы же знаете врачей – они своего не упустят. Я так переживаю за Дороти.

Я вздохнула в знак сочувствия.

Она сделала решительный приглашающий жест.

– Ладно, хватит об этом. Я так понимаю, что вам нужно осмотреть его кабинет. Входите и покажите, куда вам надо. Берите, что необходимо, и в случае чего приходите снова.

– Спасибо. Я могу оставить список досье, которые заберу.

Она замахала руками:

– В этом нет необходимости. Мы знаем мистера Кингмана много лет.

Я прошла в прихожую. Миновав коридор, мы оказались перед дверью в кабинет. В доме совсем не чувствовалось рождественской атмосферы. Пахло куриным бульоном.

– У Морли был еще офис здесь, в Колгейте? – спросила я.

– Да, но из-за болезни Дороти он в основном работал дома. Только по утрам ездил туда забрать почту. Вы захотите и туда заглянуть? – Она открыла дверь, и мы оказались в спальне, которую Морли превратил в кабинет, поставив сюда письменный стол и шкаф для бумаг. Ковер на полу был именно такой, каким я его себе представляла.

– Да, если я не найду эти досье здесь, вероятно, придется заехать в офис. Я смогу попросить у вас ключ?

– Не знаю, где он хранил ключи. Спрошу у Дороти. Боже мой! – всплеснула она руками, оглядевшись. – Неудивительно, что Морли никогда не приглашал к себе людей.

В комнате было довольно прохладно и царил такой беспорядок, какой может устроить только мужчина. "Интересно, если бы он знал, что смерть уже за углом, он бы поправил этот перекошенный стол? – подумала я. – Наверяд ли".

– Я сделаю ксерокопии и верну бумаги на место как можно быстрее. Завтра утром кто-нибудь будет дома?

– Завтра у нас что? Среда? Да, наверное, я буду. Если же дверь будет заперта, то обойдите дом и положите папки на шкаф на заднем крыльце. Мы оставляем дверь открытой для женщины, которая приходит убирать, и для медсестры. Сейчас узнаю насчет ключа от офиса Морли. Дороти, вероятно, в курсе.

– Спасибо.

Женщина вышла, а я прошлась по комнате, пытаюсь понять, как Морли работал с бумагами. Вероятно, время от времени он брал себя в руки и приводил кое-что в порядок. На столе валялись папки с надписями "Сделано", "В работе", "Срочно". Были еще две – "Необходимо сделать" и "Текущие дела". Была папка "Особое внимание". Но их содержимое не соответствовало названиям, здесь просто в беспорядке лежали старые бумаги.

Луиза вернулась со связкой ключей.

– Вам лучше взять все, – посоветовала она. – Бог знает, какой из них от двери его офиса.

– Они вам пока не нужны?

– Да вроде ни к чему. Занесите их завтра, если не трудно. Вот вам еще пакет, чтобы дотащить все эти бумаги.

– Вы уже заказали поминальную службу?

– Похороны состоятся в пятницу утром на кладбище Уинингтон-Блейк, здесь, в Колгейте.

Не знаю, как перенесет их Дороти. Мы отложили похороны на конец недели, так как должен прилететь брат Морли. Он работает инженером на строительстве в Южной Корее и сможет быть здесь только в четверг. Если он опоздает, мы не сможем ждать.

– Я постараюсь прийти, – сказала я.

– Будет очень мило с вашей стороны. Морли всегда ценил внимание людей к нему. Разбирайтесь тут с бумагами, а когда закончите, поезжайте к нему в офис или куда нужно. Я должна идти делать укол Дороти.

Я еще раз поблагодарила ее. Она торопливо улыбнулась мне в дверях.

Следующие полчаса я провела за раскопками бумаг, относящихся к убийству Изабеллы и последовавшему уголовному процессу. Лонни хватил бы удар, если бы он узнал, как Морли ведет дела. В какой-то степени хорошее расследование невозможно без кропотливой бумажной работы. Если этого нет, человек может запросто оказаться в дурацкой ситуации, свидетельствуя в суде. Адвокат ответчика обычно норовит поймать детектива на какой-нибудь неточности.

Я аккуратно упаковала папки в пакет, туда же отправился календарь Морли, в котором были отмечены его встречи с людьми. Осмотрев все ящики стола, я убедилась, что никакая бумага не завалилась куда-нибудь в угол. Бросив связку ключей в свою сумочку, я направилась к выходу. В другом конце коридора слышался приглушенный разговор сестер.

По пути к выходу я заглянула в гостиную. Здесь стояло старое, потрескавшееся кожаное кресло и столик со следами от бокалов, когда-то стоявших на нем. В небольшом ящике стола было пусто, но я успокоилась, поскольку сделала все, что могла.

Следующая остановка была в офисе Морли на одной из узеньких улочек Колгейта. Этот квартал занимали небольшие фирмы из сферы обслуживания – слесарная мастерская, домашний врач, бюро по продаже недвижимости. Вероятно, все они размещались в помещениях бывших квартир. Чтобы попасть в офис Морли, надо было сначала пройти через бывшую гостиную, ставшую парикмахерской. Я решила пройти в офис через черный вход, который для Морли был основным, так как здесь имелась табличка с его именем, но ничего не вышло – ни один ключ из связки не подходил к замку. Я осмотрела окно, но оно также было заперто. Тут я вспомнила, что не могу позволить себе запрещенные приемы: мое дело – собирать документы и свидетельства. О, где ты, время отмычек и взломанных дверей?!

Пришлось уподобиться обычному законопослушному гражданину: я обогнула дом и вошла в парикмахерский салон. Окна, украшенные наклейками с рождественскими эльфами и надписями, елка в углу, четыре кресла. В одном женщине делали перманент, парикмахер разделял волосы на пряди и накручивал их на бигуди. Жидкость, которой он при этом пользовался, источала страшное зловоние – что-то вроде тухлых яиц. В другом кресле красотке делали массаж лица, картина была зловещей, поскольку у клиентки слезы лились, не переставая. Тем не менее она без устали щебетала со своей парикмахершей. В третьем кресле делали маникюр.

В конце салона имелась дверь, которая, по моим понятиям, должна была вести в офис Морли. Какая-то женщина в углу складывала стопку полотенец. Заметив мое замешательство, она устремилась мне навстречу. На груди у нее была табличка: БЕТТИ. Меня удивила ее голова: воистину, сапожник без сапог. Какой-то мастер-фантаст так поработал над ее волосами (ей было за пятьдесят), что она выглядела устрашающе – бритый затылок и огромный начес на лбу. Женщина потянула носом воздух и поморщилась:

– Ну и ну! Людей на Луну отправляют, а перманент с приятным запахом придумать, не могут!

Она поправила свободное кресло и окинула меня оценивающим взглядом.

– О Боже! Вам срочно надо подстричься. Садитесь.

Я огляделась, не понимая, к кому она обращается.

– Вы мне говорите?

– Да вроде больше некому.

– Нет-нет, я зашла по другому делу. Мне нужно попасть в офис Морли Шайна, а с улицы я зайти не смогла.

– О, знаете, как это ни печально, но должна сообщить вам, что Морли скончался на днях.

– Я знаю. Извините, что не представилась. – Я вынула удостоверение и протянула его женщине.

Она долго изучала его, потом нахмурилась, указывая на мою фамилию.

– Как вы это произносите?

– Кинси.

– Нет, фамилию. Оканчивается на "они"?

– Нет. Милхоун.

– О, Милхоун, – повторила она старательно. – Я подумала, что это звучит, как Милхони – знаете, есть такой сорт мяса к завтраку. – Она повертела в руках мое удостоверение. – Вы, случайно, не из Лос-Анджелеса?

– Нет, я местная.

Она вновь посмотрела на мои волосы.

– Я спросила, откуда вы, потому что ваша прическа похожа на те, что делают в Мелроузе. Асимметричная, так, кажется, это называется, в форме эллипса. Что-то вроде этого. Такое впечатление, что на волосы упала небольшая люстра.

И она захохотала над собственной шуткой.

Я оглянулась, пытаясь поймать свое отражение в зеркале. Действительно, моя прическа выглядела странновато. Я давно не стригла волосы, и они были разной длины. На макушке лежали нераспутанные пряди. Я заколебалась:

– Так вы думаете, мне стоит подстричься?

Она рассмеялась:

– Вы еще спрашиваете. Такое впечатление, что какой-то сумасшедший лунатик обкорнал вас маникюрными ножницами.

Мне это сравнение показалось не очень удачным.

– Зайду подстричься в другой раз, – сказала я. Прежде всего дело. И потом, неизвестно, как будет выглядеть новая прическа, что она будет напоминать и понравится ли мне. – Я работаю на адвоката, которого зовут Лонни Кингман.

– Да-да. Я знаю Лонни. Его жена ходит в ту же церковь, что и я. А при чем здесь он?

– Морли выполнял для него кое-какую работу, а я продолжаю начатое им расследование.

Мне нужно попасть к нему в офис.

– Бедняга, – вздохнула она. – У него же еще жена болела. Он ухаживал за ней много месяцев и, насколько я знаю, здесь почти не появлялся.

– Я думаю, он работал дома, – предположила я. – Так я могу отсюда попасть в его офис? Я вижу там дверь. Она ведет в его комнату?

– Да. Морли пользовался ею тогда, когда налоговый инспектор поджидал его у главного входа.

– Это бывало частенько? – поинтересовалась я.

– Да, особенно в последнее время.

– Вы не будете возражать, если я зайду и возьму нужные мне папки?

– Почему бы и нет? Наверняка там нет ничего бесценного. Заходите и берите, что вам нужно. Здесь нет замка, только задвижка.

– Спасибо.

Я открыла дверь и оказалась в комнате, служившей спальней в те времена, когда дом использовали под жилье. Пахло плесенью. Ковер на полу был грязно-коричневого цвета – такой фон удачно скрывает пятна, за что его, очевидно, и выбрали. Зато пыль на нем хорошо заметна. Имелся в комнате стенной шкаф, куда Морли прятал всякое барахло, и небольшая ванная с туалетом. На какое-то время у меня заныло в груди – неужели я закончу свои дни в такой же комнате – девять на двенадцать, в жалкой роли захоластного частного детектива? Я села в заскрипевшее подо мной вертящееся кресло. Просмотрела его настольный календарь, ящики стола. Там ничего не было, кроме старых ручек, ластиков и степлера без скрепок. Вероятно, Морли частенько перекусывал в своем офисе – в корзине для бумаг валялись пустые коробки из-под пирожных. Следы его утренних трапез.

Я встала и подошла к полкам с папками. На букву В, на Войт/Барни, нашлось несколько папок с разнокалиберными документами. Я перенесла их на стол и начала разбирать. Хлопнула дверь, я подпрыгнула от неожиданности.

Это была Бетти из парикмахерского салона.

– Нашли, что искали?

– Да, все в порядке. Кажется, он держал почти все свои бумаги дома.

Она скорчила гримасу, понюхав воздух в комнате. Затем прошла прямо к корзине для мусора.

– Дайте-ка я вынесу это отсюда. Не дай Бог, еще муравьи появятся. Морли часто заказывал себе пиццу, дома-то за ним следила жена. Он же должен был сидеть на диете, но не было и дня, чтобы он не приносил что-нибудь из китайского ресторанчика или из "Макдональдса". Он любил поесть. Я, конечно, ничего не говорила ему, но, по-моему, надо было лучше относиться к собственному здоровью.

– Сегодня я слышу эту фразу уже от второго человека. Да, видно с людьми ничего не поделаешь, каждый выбирает путь и уже не сворачивает. Я забираю отсюда календарь и несколько папок с делами. Спасибо, что разрешили сюда войти. Думаю, через неделю кто-нибудь из семьи заберет вещи.

– Вам самой офис не нужен?

– Во всяком случае, не такой, – сказала я без размышлений. Только потом поняла, что ответ мог прозвучать оскорбительно, но сказанного не вернешь. Бетти ушла по своим делам, в последний раз я увидела ее, когда она выставляла на улицу мусорную корзину.

Вернувшись к машине, я свалила бумаги на заднее сиденье и помчалась обратно в город. Нашла стоянку и зашла в библиотеку. Мне нужен был зал периодики. Комплект "Санта Тереза диспэтч" шестилетней давности нашелся довольно быстро. Особое внимание я уделила 25, 26 и 27 декабря, то есть тому времени, когда была убита Изабелла Барни. Газета была переснята на микрофильм, и я терпеливо перематывала пленку, пока не дошла до интересующего меня места. Рождество тогда пришлось на воскресенье. Изабелла была убита в первые часы понедельника. Может быть, найдется какое-то событие, которое поможет оживить память людей? Оказалось, накануне Калифорнию охватил сильный ливень, опасно поднялся уровень воды в

реках. Одного человека сбила машина на Стейт-стрит, было два ограбления домов и похожий на поджог пожар в одной из частных фотостудий. Я записала и такое происшествие: трехлетний ребенок ранил себя из пистолета, который он нашел в машине родителей. Пистолет был 44-го калибра.

Благодаря этим описаниям, я и сама кое-что вспомнила о той ночи. Вспомнила, как видела пожар, о котором писали в газетах, когда ехала по шоссе домой. Пламя корчилось под сильным дождем, испуская облака пара в черное небо. Именно тогда в приемнике неожиданно зазвучала песня Джеймса Тейлора "Дождь и огонь", и меня до глубины души пронзило это совпадение. Правда, вспышка памяти погасла так же внезапно, как и возникла.

Я промотала еще несколько метров пленки, но ничего существенного не обнаружила. Заказала копии всех интересных газетных статей, заплатила за них и на ходу начала обдумывать, с кем стоит встретиться и как подвести этих людей к воспоминаниям о днях шестилетней давности. Спросили бы меня, что тогда происходило, и я бы ничего не вспомнила, кроме крошечного отрывка. Все остальное покрыто мраком забвения.

4

Дальше мой путь лежал в окружную тюрьму и изолятор предварительного заключения округа Санта Тереза. Протокол беседы Морли с Кэртисом Макинтайром я обнаружила в одной из папок, хотя повестку о явке Макинтайру так и не вручили. Их разговор состоялся в середине сентября, и больше, судя по всему, никаких контактов не было. Из записей Морли следовало, что Макинтайр в течение первой ночи после ареста Барни содержался с ним в одной комнате. По словам Макинтайра, они подружились. Барни произвел на Кэртиса неизгладимое впечатление, так как в отличие от других обитателей изолятора – неудачников в жизни, имел все, что душе угодно. Когда пришло время суда, Макинтайр, вышедший тогда на свободу, присутствовал на процессе в качестве зрителя. Он подошел к Барни, чтобы поздравить с оправдательным приговором, и, по его словам, услышал от него признание, что убийца все-таки он. Обосновать это высказывание Макинтайр никак не мог.

Припарковав машину напротив тюрьмы в стае черно-белых полицейских автомобилей и пройдя в приемную полицейского управления, я остановилась у стойки со стеклом в верхней части. Примерно шесть недель назад я провела здесь ночь и должна признать, что быть посетителем много приятнее, чем заключенным.

Заполнив необходимые бумаги, я стала ждать, пока вызовут Кэртиса Макинтайра. На стене висели адреса и телефоны организаций и лиц, куда можно перевести деньги для оплаты освобождения под залог. Здесь же имелись телефоны таксистов. Да, невеселое место. За тебя платят залог, потом отбирают машину, и ты вынужден ехать на такси домой. Сплошное унижение после кошмарной ночи в камере изолятора.

Женщина за стойкой сделала мне знак рукой.

– Ваш клиент будет здесь через одну минуту. Кабина номер два.

– Спасибо.

Я прошла в помещение для свиданий. Здесь было три кабины, в которых подследственные могли общаться со своими следователями или адвокатами. Каждая из кабин была разделена на две части стеклянной стеной. У стеклянной стойки стоял высокий табурет, как в барах. Я взобралась на него и оперлась локтями на стойку. Вскоре ввели Кэртиса Макинтайра. Видимо, он был озадачен неожиданным визитом.

Ему было тридцать восемь лет, он был невероятно худой, тюремные штаны чудом держались на нем, а вот синяя тюремная роба была ему к лицу. Короткие рукава открывали длинные руки – да, было где разгуляться фантазии тюремного татуировщика. Кто-то, видимо, сказал Кэртису, что у него выразительные глаза, так как уже с порога он начал меня этими глазами сверлить, сверкая ими из-под отросшей шевелюры, что после нескольких месяцев тюрьмы было неудивительно. Здесь, как известно, нет парикмахерских салонов.

Я представилась, объяснила ему ситуацию, сказала, что мне нужно получить от него показания в письменном виде.

– Из записей мистера Шайна я поняла, что впервые вы встретились с Дэвидом Барни в тот день, когда его арестовали...

– Вы одна?

– Кто? Я? – Я оглянулась вокруг себя.

Он улыбался мне прямо в лицо улыбкой, которую, наверное, долго отрабатывал перед зеркалом.

– Вы слышали мой вопрос?

– А какое это имеет значение?

– Ну, ну, признавайтесь. Вы же видите, я парень хоть куда. – Он говорил противным слащавым голосом, который приберегают для женщин и собак.

– Я вижу, вы парень хоть нуда, но задаете вопросы, которые вас совершенно не касаются. Мой ответ вызвал у него бурный восторг.

– Как же так? Вы боитесь отвечать? Так я вам понравился? Могу признаться, что это взаимно.

– Да, я вижу, вы очень настойчивы, Кэртис. И все-таки, скажите мне все, что считаете нужным, о Дэвиде Барни.

Он усмехнулся:

– Вся в делах. Великолепно. Вы, вероятно, считаете себя весьма серьезной особой?

– Вот именно. И надеюсь, что вы тоже отнесетесь к моему вопросу серьезно.

Он откашлялся, вздохнул, явно продолжая играть спектакль.

– Так вот, мы и вправду сидели вместе. Его арестовали во вторник, а к судье он пошел только в среду. Оказался неплохим парнем. Когда начался процесс, я уже оказался на свободе и решил посмотреть на своего знакомого.

– Вы говорили в тюрьме об убийстве?

– Нет, на эту тему нет. Он был очень подавлен. Леди выбило пулей глаз – это некрасиво. Не знаю, кто бы мог это сделать? – разглагольствовал Кэртис. – Но вполне возможно, это сделал именно он.

– Так о чем вы с ним говорили?

– Не помню. Так, обо всем понемногу. Он расспрашивал, как я оказался в тюрьме, к какому судье нас поведут, в общем – о всякой ерунде. Я рассказал ему о судьях, о том, что большинство из них строгие ребята. Есть один нормальный, а к остальным лучше не попадать.

– О чем еще?

– Ни о чем.

– И после этого вы пришли в суд, следили за ходом процесса?

– Нет, я был не на всех заседаниях. Разве кто-нибудь способен высидеть целый процесс? Это же скука смертная. Я всегда так радуюсь, что не попал в юридический институт.

– Да уж, – обронила я, просматривая свои записи. – Я читала заявление, которое вы сделали мистеру Кингману...

– Вы одна?

– Вы уже об этом спрашивали.

– Бьюсь об заклад, что угадал. Знаете, почему я догадался? – Он явно любовался собой. – Я психолог.

– Тогда вы наверное догадываетесь, о чем я спрошу вас сейчас?

– Нет, не знаю. – Он зарделся от удовольствия. – Я еще недостаточно хорошо вас изучил, но сделаю это с удовольствием.

– Было бы здорово, если бы вы сразу дали ответы на все мои вопросы.

– Я постараюсь. Нет, правда. Давайте. Я слушаю. – Он наклонил ухо к окошку и изобразил на лице серьезность.

– Повторите еще раз, что именно сказал Дэвид Барни, когда вышел оправданным из зала суда?

– Сказал... подождите-ка. Значит, он вышел, весь из себя такой... ну, в общем, гордый. "Ну как? – спрашивает он меня. – Понравилось? Вот что значит нормальный адвокат, которому нормально платят". А я ему: "Ну, тебе повезло, старик. Здорово. Я так и думал, что это не ты ее прикончил". Ну, тут он скорчил такую рожу! Потом нагнулся ко мне и шепчет на ухо: "Ха-ха, старик, в том-то и дело, что их удалось обхитрить".

Я не поверила ни одному слову из его рассказа. Никогда в жизни не видела Дэвида Барни, но вряд ли он стал бы так говорить. Я посмотрела в глаза Кэртиса.

– И какой вывод вы из этого сделали?

– Я сделал вывод, что он ее убил. Так у вас есть приятель?

- Да. Он полицейский.
- Чер-р-р-т возьми! Не верю. Как его зовут?
- Лейтенант Долан.
- Чем он занимается?
- Он из отдела по расследованиям убийств.
- Вы что, больше ни с кем никогда не встречались?
- Лейтенант очень ревнив. Он вам голову оторвет, если узнает, что вы ко мне пристаёте. Так вы встречались еще когда-нибудь с Дэвидом Барни? Говорили с ним?
- Кроме тюрьмы и суда? Нет, вроде нет.
- Странно, что он сделал вам такое признание.
- Почему странно? Не согласен, давайте поспорим. – Он положил голову на стойку и приготовился к долгому разговору.
- Он же совсем не знал вас, Кэртис. С какой стати стал бы он доверять вам такие вещи? Да еще прямо в суде. Когда за спиной еще звучит колокольчик судьи.
- Кэртис нахмурился и задумался.
- Если хотите, спросите его сами, а если вы спрашиваете меня, то я вам отвечаю – он доверял мне, потому что я – тертый калач, полжизни по тюрьмам. Не то что его приятели-снобы. Да-да, именно так. Процесс закончился. Ему уже ничто не угрожает. Даже если бы кто-нибудь услышал его слова, его не смогли бы привлечь к ответственности во второй раз. Такого закона нет.
- Где вы находились в момент разговора?
- За дверью. Это был зал № 6. Он вышел, я похлопал его по плечу, он пожал руку...
- А как насчет журналистов? Разве его не осаждали со всех сторон в эти минуты?
- О, да! Конечно! Они были повсюду. Выкрикивали его имя, совали ему в рот микрофон, спрашивали, как он себя чувствует.
- И посреди всей этой шумихи он остановился и сказал эти слова?
- Ну да. А что такого? Он наклонился и прошептал мне это на ухо. Так вы – частный детектив? На самом деле?
- Меня передернуло от его приставаний, но я взяла себя в руки, начала печатать на переносной машинке протокол беседы.
- Да, именно этим я и занимаюсь.
- Значит, если я выберусь на волю и у меня возникнут проблемы, я найду ваш телефон в телефонном справочнике?
- Я не особенно обращала внимание на то, что он несет, так как была занята составлением протокола беседы.
- Да, это возможно, – кивнула я и мысленно добавила: "Если ты умеешь читать".
- Сколько вы берете за услуги?
- Зависит от того, что вам нужно.
- Ну примерно.
- Триста долларов за час, – соврала я автоматически. Если бы я сказала "пятьдесят", он бы от меня не отстал.
- Ничего себе! Быть этого не может.
- Плюс оплата дополнительных расходов.
- Черт побери, вы, кажется, обманываете меня. Триста долларов за час? За каждый час работы?
- Да, именно так.
- Так у вас, наверное, куча денег. Ничего себе девочка! Ну вы даете! – не мог успокоиться он. – А если я попрошу у вас немного в долг? А? Долларов пятьдесят, не больше. Но лучше сто. Я верну, как только выберусь отсюда.

– Разве мужчины берут в долг у женщин?
– А у кого мне прикажете брать? У меня нет богатеньких дядюшек. Разве что воротили из наркомафии. Да в нашей Санта Терезе и воротил-то нет. Так, мелкая рыбешка. – Он опять зашелся от смеха. – Так у вас и пистолет есть?
– Конечно есть.
Он приподнялся и заглянул сквозь стекло. Как будто у меня на поясе висела кобура.
– Ну покажите, где он у вас.
– Я его не ношу с собой.
– Где же он?
– У меня в офисе. Держу его на тот случай, если кто-то откажется платить по счету. Теперь прочтите это и проверьте, правильно ли передан смысл вашего разговора с мистером Барни. – Я протянула листок в окошко вместе с ручкой.
– Да, верно. Слушайте, вы здорово печатаете. – Он едва взглянул на бумагу.
– В школе я была отличницей. Могу попросить вас подписать протокол?
– Для чего это?
– Таким образом мы зафиксируем ваше свидетельство. Если в суде у вас случится провал в памяти, это поможет вам восстановить забытое.
Он нацарапал свою подпись и вернул мне листок.
– Спросите меня что-нибудь еще, – попросил он. – Я вам все что хотите расскажу.
– Спасибо. Этого пока достаточно. Если у меня будут вопросы, я снова обращусь к вам.
Покинув полицейское управление, я села в машину и стала наблюдать за снующими вокруг черно-белыми автомобилями. Что же получается? Кэртис Макинтайр вколачивает гвозди в гроб Дэвида Барни, но его признания звучат совершенно недостоверно. Дэвид Барни молчит и ни в чем не признается после оправдательного приговора в суде. Со слов Лонни известно, что вытащить самую невинную информацию из этого человека невероятно трудно. Почему же тогда он выбалтывает самое сокровенное этому ничтожеству по имени Кэртис? Да, голова идет кругом от таких несуразностей.
Я завела машину и выехала со стоянки.

* * *

Симона Орр, родная сестра Изабеллы Барни, как это следовало из материалов дела, жила рядом с владением погибшей родственницы. Дом находился в районе Хортон Равин – шикарном пригороде Санта Терезы, облюбованном местными богачами. В рекламных материалах агентств по недвижимости эта местность называется «жемчужиной нашего паркового пояса». К северу от нее возвышаются горы Санта Инес, к югу лежит Тихий океан. В рекламных описаниях преобладают эпитеты «захватывающий дух», «изумительный», «необычайный».

Столь же часто упоминаются в них "тишина" и "покой". Действительно, это так и есть. Здесь шикарные участки, чуть ли не по пять акров, места для конных прогулок. Дома окружены дубами, кипарисами и сикоморами. Тишина и покой.

Я поймала себя на том, что повторяю под нос эти рекламные эпитеты, вырывая к дому в средиземноморском стиле с роскошным видом на горы и на океан. Во дворе с флагштоком в центре поставила свой старенький "фольксваген" бок о бок с "линкольном" и "бимером", прошла мимо прекрасной галереи в саду, мимо тропического изобилия, которое требовало ежедневного ухода по меньшей мере двух садовников, и направилась к коттеджу Симоны.

Она заранее пояснила мне по телефону, что идти надо в ложбину за основным домом. Я обогнула его с восточной стороны, миновала террасу в испанском стиле, возле которой находился бассейн и искусственный водопад, спустилась вниз по небольшой лестнице и оказалась перед деревянным бунгалом.

Деревянная черепица на трехскатной крыше, синяя краска с белыми полосами, высокие окна, открытая входная дверь. Неплохо, надо сказать. Что касается открытой двери, то у нас в Санта Терезе декабрь часто напоминает весну в других частях страны – пасмурно, иногда идет дождь, но голубого неба всегда хватает.

Дом меня сразу очаровал. Тяга к маленькому, замкнутому пространству у меня с детства. После смерти родителей я оказалась у тетки и сразу же устроила себе в углу домик из картонной коробки. Мне тогда было пять лет, но я отчетливо помню, с какой тщательностью обставляла свое убежище. На полу у меня лежали подушки, сверху я стелила одеяло и зажигала внутри лампу, от которой в замкнутом пространстве было жарко, как в Африке. Я устраивалась там и читала книги с картинками. Моей любимой была та, в которой девочка встретила эльфа по имени Твиг. Эльф жил в пустой банке из-под томатного сока. Фантазия внутри фантазии – вот что это было.

Я не помню, чтобы я плакала. Целых четыре месяца жила я в этом маленьком мире, читала библиотечные книги и управлялась со своим горем. Я готовила себе маленькие бутерброды с сыром – как делала моя мама. Я знала, что больше некому их повторить. Иногда я устраивала себе праздники – добавляла орехового масла – и была счастлива. Тетя уходила на весь день на работу, и я оставалась наедине со своими переживаниями. Мои родители погибли в День поминовения. Осенью того года я пошла в школу...

– Так это вы – Кинси?

Я повернулась на голос, словно очнувшись от сна.

– Да, это я. А вы – Симона?

– Да. Рада познакомиться с вами. – В руках у женщины были садовые ножницы и корзина со срезанными цветами, которую она поставила на землю. Она коротко улыбнулась, протянув мне руку. Ей было около сорока, она была ниже меня и крупнее, что, впрочем, умело скрывала продуманная одежда. На светлых коротких волосах остались следы завивки. Довольно крупное лицо, широкий рот. Немыслимо голубые глаза, аккуратные брови. Она была в рабочей одежде, но весьма элегантной. Чуть позднее я заметила, что при ходьбе она пользуется палочкой.

Симона наклонилась и подняла с земли корзину.

– Надо поставить их в воду. Пойдемте в дом. – Она вошла в прихожую, я последовала за ней.

– Извините, что приходится опять вас беспокоить. Я в курсе, что несколько месяцев назад с вами беседовал Морли Шайн. Вы, наверное, уже слышали о его кончине?

– Да, в сегодняшней газете есть некролог. Я позвонила Лонни, и он мне сказал, что теперь этим делом будете заниматься вы. – Она прошла в маленькую кухню, которая, видимо, служила и столовой: здесь стоял маленький столик с двумя табуретками. Поставив палку в угол, она наполнила водой один из стеклянных кувшинов и опустила в него срезанные цветы. Вытерла руки полотенцем и повернулась ко мне.

– Присаживайтесь, – пригласила она.

Мы сели на табуретки.

– Постараюсь не отнимать у вас много времени.

– Я готова потратить сколько угодно времени, только бы вывести на чистую воду этого проходимца.

– Вероятно, это сомнительное удовольствие – жить в сотне ярдов от него?

– Да уж, – горько вздохнула она и посмотрела в сторону особняка. – Радует только то, что и его не греет мое соседство. Он спит и видит, чтобы духу моего здесь не было.

– У него есть какие-то права?

– Выселить меня он не может. Сестра завещала мне этот коттедж. Она купила его, будучи замужем за Кеном. Даже тогда это стоило целого состояния. Когда их брак распался, то участок

земли с домом отошел к ней. В брачном контракте с Дэвидом было оговорено, что при любых условиях дом с участком остается за ней или ее наследниками.

– Она, видимо, была практичной женщиной. В первых брачных контрактах тоже был такой пункт?

– В этом не было необходимости. Два ее первых мужа были состоятельными людьми. В отличие от Дэвида. Все твердили ей, что он женился из-за денег. Думаю, этому пункту в контракте надлежало доказывать, что это не так. Судьба сыграла с ней злую шутку.

– Так он никогда не получит эту землю с домом в собственность?

Симона жестом показала, что дело обстоит именно так.

– Иза только слегка исправила свое завещание, дав ему возможность получать пожизненные проценты. Если он умрет, а я надеюсь, что это случится скоро, собственность перейдет к ее дочери, Шелби. Этот маленький коттедж полностью завещан мне, до моей смерти, естественно. Когда я умру, он станет частью всей наследуемой собственности.

– Вы не боитесь?

– Кого? Дэвида? Конечно, нет. Один раз он избежал обвинения в убийстве и как умный человек должен понимать, что во второй раз ему это не удастся. Так что лучше сидеть тихо. Если же он выиграет и процесс в гражданском суде, то под него вообще не подкопаешься, не так ли?

– Похоже, так.

– Он выйдет из этой истории невинным младенцем и вряд ли будет покушаться на собственное спокойствие. Если со мной что-то случится, то в первую очередь заподозрят его.

– Как вы думаете, что он сделает, если проиграет процесс?

– Мне кажется, отправится прямиком в Швейцарию. Вероятно, он уже перечислил туда часть денег на кодированный банковский счет. Дэвид слишком умен, чтобы решаться на новые убийства. Ему это ни к чему.

– Но почему Изабелла так поступила? Зачем стала испытывать судьбу? Если я правильно поняла, она ведь могла не спешить с изменениями в завещании.

– Вы забываете, что она была влюблена в этого парня. Она хотела быть честной по отношению к нему. И потом, сестра достаточно трезво смотрела на вещи – это был ее третий муж и она хотела сохранить его. Станьте на ее точку зрения. Вы выходите замуж за человека и думать не думаете о том, что он способен вас УБИТЬ. Если бы вы так думали, то, наверное, не вышли бы за него замуж. – Она посмотрела на часы. – Боже, уже час дня. Не знаю, как вы, а я уже умираю от голода. Вы хотите есть?

– Нет, благодарю вас, я перекушу на обратном пути в свой офис.

– Ну что вы! Давайте перекусим вместе. Я сейчас приготовлю сэндвичи. Люблю есть в компании.

Приглашение звучало совершенно искренне, и я улыбнулась:

– Спасибо. Вы очень любезны.

5

Она переместилась поближе к кухонному столу и начала доставать продукты из крохотного холодильника.

– Я могу вам помочь?

– Нет, не беспокойтесь. Здесь и встать-то вдвоем негде. Это обстоятельство особенно нравится мужчинам, если они, конечно, не заядлые кулинары. В таком случае они занимают это место, а я сижу там, где сидите вы.

Я обернулась в сторону коридора.

– У вас великолепный дом, – сказала я.

Она покраснела от удовольствия.

– Вам правда нравится? Он построен по эскизам Изабеллы... когда она только начинала свою карьеру.

– Она была архитектором? Я не знала.

– Ну, она не была профессионалом, но много работала в этой области. Если хотите, обойдите вокруг. Он совсем небольшой – всего триста квадратных футов.

– Да?! Я думала, он больше.

Все окна в доме были открыты, так что, обходя его, я не прерывала разговор с Симоной. Коттедж напоминал игрушечный домик, построенный для детей. Вместе с тем он имел все атрибуты большого дома. На крыше виднелась труба от камина – заглянув в окошко, я увидела и сам камин. Изнутри часть стены, лестницы и пола были отделаны кафельными плитками – цветочный узор на них был выполнен вручную. "Великолепно", – повторяла я.

Симона отвечала мне улыбкой.

Повсюду вокруг дома росли цветы. Воздух благоухал ароматом розмарина и тимьяна. От дома поднимался невысокий холм с зарослями чапаралия и дубками, откуда открывался вид на горы. Я вернулась на переднее крыльцо и вошла в кухню.

– Симона, как-нибудь наведайтесь ко мне. Мой дом похож чем-то на ваш: тоже уютное место для одинокой души.

Пока она нарезала хлеб, я продолжила осмотр. Мебель в доме была старинной – массивный письменный стол, резные стулья, угловой шкаф с дверками из голубоватого стекла, кровать, поблескивающая медью, над которой хорошо поработали. Лишь ванную комнату отделяла стена, прочие части составляли одно просторное помещение. Все было пронизано воздухом, светом, согрето уютом. Каждая мелочь была продумана и подобрана, словно воплотилась только что, сойдя со страниц журнала по домоводству. Окна были в передней и в боковых стенах коттеджа, глухая задняя стена упиралась в холм, отделяющий один дом от другого.

Я под села к столу и стала наблюдать, как Симона делает сэндвичи. Тарелки и салфетки она передала мне, чтобы я их расставила. Интересно, если она не была архитектором, то как ей удалось создать такое чудо? Я сказала вслух то, о чем подумала.

– Она была чем-то вроде стажера у местного архитектора. Не спрашивайте, как она к нему попала и как он согласился. Когда нужно, Изабелла умела войти в доверие.

– Да, ей повезло, – признала я.

– Именно там она встретила Дэвида. Он стал работать на ту же фирму, что и она. Этого архитектора зовут Питер Вейдман. Вы уже беседовали с ним?

– Нет, но я собиралась заехать к нему по дороге от вас.

– Понятно. Он и Иоланда, его жена, живут совсем близко отсюда, примерно в одной миле. Он прекрасный человек, сейчас на пенсии. Он действительно многому научил Изабеллу. У нее была художественная натура, но никакой самодисциплины. В сущности, она была дилетантом

и дальше рассуждений вокруг великолепных идей не шла. Она быстро теряла интерес к тому, что у нее не получалось, за исключением, пожалуй, только этой идеи.

– Какой?

– Она начала делать эскизы миниатюрных домов. Мой был первым в этой серии. Каким-то образом о нем узнали в "Санта Тереза мэгэзин" и поместили большое фото. Посыпались письма, заказы. Каждый хотел иметь такой домишко.

– В качестве дома для гостей?

– Да, для гостей, или для детей, или для художественных мастерских. Прелесть еще в том, что вы можете расположить такой дополнительный домик в любом уголке вашего участка. Она и Дэвид вышли из фирмы Питера как раз тогда, когда дело начало набирать обороты. Они оба увлеклись этой затеей и за очень короткое время сколотили целое состояние. Об Изабелле много писали, особенно в престижных журналах. Кроме того, она выиграла кучу премий. Успех был колоссальный.

– А что Дэвид? Он тоже нашел себя в этом деле?

– Да, она же была без него как без рук, поскольку сама ничего не смыслила в серьезном бизнесе. Она только набрасывала эскизы, приблизительные поэтажные планы. У Дэвида было специальное архитектурное образование, он занимался проектированием, всеми этими кальками, спецификациями. На нем был также маркетинг, реклама... словом, вся черновая работа. Разве вам об этом никто не рассказывал?

– Нет, ни слова, – сказала я. – Я общалась только с Кеннетом Войтом и прочитала кучу досье. Фактически вы первая, с кем я беседую. Как Барни относился к тому, что вся слава доставалась Изабелле?

– Наверное, он переживал, но что мог сделать? Он понимал, что его карьера закончилась. Впрочем, то же самое относится и к Питеру Вейдману.

Симона передвинулась к обеденному столу с тарелкой сэндвичей и с чайником чая со льдом. Мы принялись за еду. Между ломтиками тонко нарезанного хлеба выглядывали листья салата.

– Кресс-салат, – пояснила Симона.

– Мой любимый, – пробормотала я. Салат действительно оказался очень вкусным. – У вас есть фотография сестры?

– Конечно. Подождите, я сейчас принесу.

– Не торопитесь. Как же вкусно! – проговорила я с набитым ртом, но она уже встала и вскоре вернулась с фотографией в серебряной рамке.

– Мы с ней были двойняшками. Родились одновременно, но не очень похожи. Здесь ей двадцать один год.

В первый раз я увидела Изабеллу Барни. Она была безусловно красивее Симоны. Округлое лицо, темные волосы до плеч, карие выразительные глаза, прямой нос, довольно широкий рот, чуть-чуть косметики. На фотографии она была в темной майке с полукруглым вырезом.

– Вы с ней похожи. А кем были ваши родители?

Я отдала фотографию, и Симона поставила ее на стол. Изабелла взирала на нас в течение всего разговора.

– Родители? – сказала Симона. – И отец и мать были художниками, людьми довольно эксцентричными. Мать получила большое наследство, и они с отцом никогда не имели нужды в деньгах. Однажды они поехали на два месяца в Европу и остались там на десять лет.

– Чем они там занимались?

Она откусила от сэндвича, прожевала и лишь затем ответила:

– Просто путешествовали. Не знаю. Ездили из страны в страну и рисовали. Кочевали, как цыгане. Может быть, им просто надоело общество, которое их тут окружало. Они сбежали. Так же, как это сделал Хемингуэй. Они вернулись в тот момент, когда началась вторая миро-

вая война, и каким-то образом осели в Санта Терезе. Возможно, где-то прочитали об этом месте и им понравилось его название. К этому времени деньги поистратились, и отец решил заняться инвестициями. У него это получалось, и, когда родились мы, с деньгами снова не было проблем.

– Кто из вас старше, вы или Изабелла?

Симона допила чай и промокнула губы салфеткой.

– Первой родилась я, через тридцать минут – Изабелла. Матери было сорок четыре года, никто и подумать не мог, что она родит близнецов. Она вообще не беременела, и, когда прекратились менструации, она подумала, что наступил климакс. Ко всему прочему, она придерживалась теории естественного развития и отказывалась от услуг врача до последней минуты. Только после пятнадцати часов схваток отцу удалось отправить ее в больницу. Я родилась буквально на пороге родильного отделения. После этого мама засуетилась, считая, что роды позади. Доктор-акушер также ни о чем не подозревал. Ожидали, что отойдет послед, а родилась Изабелла.

– Ваши родители живы?

– Они умерли с разницей в один месяц. Нам в то время было девятнадцать. В тот же год Изабелла в первый раз вышла замуж.

– Вы были замужем?

– Нет, мне вполне хватило впечатлений от замужества сестры.

– Войт был ее вторым мужем?

– Да. Первый погиб во время прогулки на яхте.

– Вы были с сестрой двойняшками. Значит, и характеры у вас были похожи?

– О, нет! Нисколько. Что касается характеров, то трудно найти нечто более противоположное, чем я и Изабелла. Она унаследовала от родителей их талант, а вместе с ним и все пороки, сопутствующие этому таланту. У нее были потрясающие способности, но все давалось ей слишком легко, чтобы быть серьезным. Она овладевала каким-нибудь жанром и тут же теряла к нему всякий интерес. Так было с рисунком, живописью. Она занималась всем понемножку. Было даже увлечение ювелирными украшениями, скульптурой. Потом массу усилий и времени она посвятила рисункам для тканей. И снова остыла. Она всегда стремилась к чему-то новому. В какой-то степени затея с миниатюрными домами была для нее спасением. Впрочем, не исключено, что и это наскучило бы ей, проживи она дольше.

– Со слов Кена я поняла, что у нее были определенные проблемы с самооценкой.

– Да, и это тоже было. Если честно, у нее были наклонности настоящей наркоманки. Слава Богу, до этого дело не дошло, но Изабелла очень много курила, увлекалась спиртным, глотала таблетки по любому поводу. Бывало, что курила и травку.

– Как же ей удавалось при этом работать? Я бы не смогла.

– Она как-то выдерживала. К тому же ей не нужно было самой зарабатывать на жизнь.

– Вам, наверное, было тяжело наблюдать, как сестра теряет над собой контроль?

– Это было тяжело для всех ее близких, а мне досталось особенно, так как после смерти родителей я в какой-то степени заменяла ей мать. Видит Бог, я преклонялась перед ней, но ладила с трудом. С Изабеллой нельзя было сохранять ровные отношения – она думала только о себе. "Я, я, я" – только это и было слышно в ее доме.

– Что-то вроде мании самолюбования?

– Похоже на это. В то же время она могла быть приветливой, прекрасной собеседницей, веселой выдумщицей, которая умела украшать жизнь. Это редкий дар, и я многому у нее научилась.

– Расскажите теперь о Дэвиде Барни.

– Дэвид... Трудный вопрос. – Она помолчала. – Постараюсь быть объективной. Во-первых, Дэвид – красивый мужчина, умеет очаровывать. Но человек он неглубокий, как мне

кажется. Он и его жена переехали сюда из Лос-Анджелеса перед тем, как он попал в фирму Питера.

– Он был женат?

– Да, но бран оказался скоротечным.

– Что стало с его первой женой?

– С Лаурой? Она по-прежнему живет где-то здесь. После того как Дэвид бросил ее, ей пришлось искать себе работу. Так всегда бывает с несчастными жертвами браков. Боже, как страдают женщины от этих разводов! Я думаю, что на каждого мужчину, подхваченного очередной бабенкой, приходится восемь-десять несчастных женщин, оставшихся без гроша в кармане. Если нужно, ее адрес вы найдете в телефонном справочнике.

– И что еще о нем?

– Я бы сказала, что Дэвид – сноб. Он не собирался дальше тратить свои силы на работу. Изабелла продолжала делать эскизы, а он уже полностью охладел к делу и стал предлагать ей продать бизнес, когда он еще процветал. У него появилась какая-то новая идея. Изабелла и слышать об этом не хотела. К тому моменту она разочаровалась и в браке с ним. Чувствовала себя обманутой, хотела получить свободу и жаждала глотнуть свежего воздуха.

– В случае развода их бизнес считался бы совместной собственностью супругов?

– Да, именно так. Они получили бы равные доли, и Дэвид на этом много терял. С определенного этапа она уже не нуждалась в его услугах. Можно было найти с десяток людей, которые хотели бы выполнять его работу. А вот он не мог найти замену Изабелле. Без нее он был ноль. С другой стороны, в случае ее смерти бизнес отходил бы полностью к нему... почти полностью. Ее доля переходила бы к Шелби, но интересами четырехлетнего ребенка можно было и пренебречь. Изабелла к тому моменту сделала определенный запас эскизов на будущее, и Дэвид какое-то время мог вполне продержаться. Не забывайте к тому же про страховки. Что-то достанется Шелби, но и он получит кругленькую сумму.

– ЕСЛИ выиграет дело, – добавила я. – Где находится дом, который он взял в аренду после того, как разошелся с Изабеллой?

– Сверните по шоссе налево, – махнула она рукой в сторону океана, – и через полмили увидите дом из стекла и бетона. Бр-р, не могу без содрогания смотреть на современную архитектуру. Дом так безобразен, что вы просто не сможете проехать мимо.

– То есть до этого дома можно запросто добраться пешком?

– Он нарочно снял дом поблизости от нее.

– Вы были в коттедже, когда произошло убийство?

– Ну конечно. Но выстрела я не слышала. В тот вечер Изабелла звонила мне, чтобы сказать, что Сигеры задержались в пути из-за поломки машины. Сестра предупреждала, чтобы я не волновалась, если увижу ночью свет в окнах ее дома. Мы немного поговорили о том о сем. Она была в ужасном настроении.

– Из-за преследований Дэвида?

– Да, из-за ссор, из-за угроз. Ее жизнь превратилась в кошмар. Она немного оживилась, предвкушая поездку в Сан-Франциско: собиралась походить там по магазинам, сходить в ресторан, театр.

– В котором часу вы разговаривали?

– Думаю, около девяти часов. Изабелла была "совой", но она знала, что в десять я ложусь спать. О том, что случилось нечто ужасное, я поняла только тогда, когда сюда пришел Дон Сигер. Они встревожились – и дверь им никто не открывает, и на месте дверного глазка обнаружено отверстие. Я наспех оделась, нашла ключ. В дом вошли через черный ход и в прихожей обнаружили ее тело. Я двигалась, как лунатик. Меня буквально парализовало. Это была самая страшная ночь в моей жизни. – Я впервые увидела слезы на ее лице, искаженном гримасой боли. Она утерла слезы салфеткой и шепнула:

- Извините.
- Вы на самом деле думаете, что это он убил ее?
- Ни минуты не сомневаюсь. Только вот не знаю, как вам удастся найти доказательства.
- Да, пока я тоже себе этого не представляю, – отреагировала я.

Часы показывали 14.34, когда я вышла от Симоны. С моря на землю пополз тяжелый туман. Потянуло холодком, и день на глазах превращался в сумерки. Когда я проходила мимо основного дома, мне стало не по себе. Неприятное ощущение было реальным и явственным. Я мельком взглянула на окна, выходящие во двор. Внизу, в гостиной, горел яркий свет, весь второй этаж был темным. Откуда такое чувство? Никто, казалось, не заметил меня. "БМВ" был припаркован на прежнем месте, "линкольна" уже не было. Я забралась в машину и, прежде чем включить зажигание, бросила последний взгляд на дом.

Вдоль всего второго этажа по фасаду тянулась лоджия с белыми колоннами, поддерживающими крышу из красной черепицы. Вверх по стене тянулись побеги винограда. Главный вход был плохо различим в тени балкона, его к тому же загораживали дубы, росшие перед домом. Дорога, которая вела к дому, делала крутой поворот, так что с шоссе случайный прохожий дома не видел. Он мог заметить только людей на пересечении дороги и шоссе, но кто мог оказаться здесь в 1.30 ночи? Возможно, подростки, возвращающиеся со свидания. Если в тот день был концерт или спектакль, то на шоссе также могли оказаться прохожие. Надо будет проверить это по газетам. Изабелла была убита ранним утром после рождественской ночи. В такое время обычно все сидят по домам, так что надежда отыскать свидетелей событий практически сводится к нулю. Во всяком случае никто о себе так и не заявлял.

Я включила зажигание и дала задний ход, чтобы вырваться на дорогу, ведущую к шоссе. Дэвид Барни показал, что в ночь убийства он совершил свою обычную пробежку трусцой. Бег трусцой, конечно, хорошо, но только зачем в такую темень? Большинство дорог Хортон Равин не имели ни освещения, ни пешеходных тропинок. Естественно, никто не мог ни подтвердить показания Барни ни опровергнуть их. Дело осложнялось еще тем, что полицейские не обнаружили ни орудия убийства, ни отпечатков пальцев. Как Лонни может рассчитывать на успех, когда у него нет ни одного козыря?

Я выехала на шоссе и свернула налево. Одним глазом посматривала на счетчик километража, другим отыскивала дом, который снимал Дэвид Барни, когда расстался с Изабеллой. Дом действительно оказался приметным: мне он напомнил макет циркового шатра, сделанный из бетона. Каждая треугольная секция купола поддерживалась тремя металлическими трубами, выкрашенными в веселенькие цвета. Все окна были разной формы. Скорее всего, изнутри дом такой же неуютный, с трубами, тянущимися вдоль стен. Добавьте к этому пластиковые панели, к месту и не к месту, и вы получите то, что в рекламных проспектах называют "Метрополитен хауз" – "солидный, неприступный, ниспровергающий устоявшиеся представления". Я бы сказала по-другому – дорого и безвкусно.

Припарковав машину, я вернулась назад по дороге. До поворота к дому Изабеллы у меня ушло ровно семь минут. Пусть даже отсюда до дома пять минут. Это совсем немного. А если по пути встретится машина, ее вполне можно переждать в кустах. В темноте никто ничего не заметит. Из пешеходов в такой поздний час тоже вряд ли кто-то встретится. По дороге назад я еще раз засекала время: восемь минут, я не особенно торопилась. Записала номера домов соседей – в дальнейшем они могли пригодиться. Я не успокоюсь, пока не выясню, видел ли кто-нибудь из соседей что-то подозрительное той ночью.

До встречи с Вейдманами оставалось еще минут двадцать свободных. Во всех делах, с которыми я работала, приходилось заниматься примерно одним и тем же – надо было перебрать кучу людей и найти одного виновного. Здесь все было иначе – требовалось найти улики, а человек был уже известен. Морли Шайн, проведя более или менее тщательное расследование, не получил никакого результата. Теперь была моя очередь. Но что предпринять?

Я принялась чертить на страничке блокнота, надеясь, что рисунки наведут меня на какую-нибудь мысль. Но карандаш оставлял на бумаге какие-то внушительные сферы, напоминающие гусиные яйца.

6

По моим наблюдениям, богатые делятся на «имеющих почти все» и на «имеющих еще больше». Иначе зачем стремиться к высокой цели? Люди всегда сравнивают себя с теми, кто стоит на одной с ними ступеньке общества. Богачи не так однородны, как это кажется со стороны. Просто круг их не очень широк, и критерии, по которым они различают «своих», бывают весьма экзотическими. Немалую роль здесь играет тип дома, в котором живет состоятельный человек. Особняки, хотя и кажутся похожими друг на друга, имеют массу различий, заметных лишь искусственному взгляду. Первостепенное значение имеют размер и расположение владения. Чем длиннее подъездная дорога к дому, тем больше очков у владельца. Наличие частной охраны или своры сторожевых собак, конечно, ценится гораздо выше, чем обычная электронная сигнализация. Гостевые домики, ажурные ворота, бассейны и освещение на лужайке перед домом – тоже немаловажный фактор. Безусловно, в разных местностях свои критерии, свои требования, но вышеперечисленные фигурируют везде.

Вейдманы жили на Лоуер-роуд, в непрестижном уголке Хортон Равин. Дома здесь, хотя и выглядели богатыми, но в большинстве своем не имели собственного лица. Дом Вейдманов был в их числе – неприметное одноэтажное строение, выкрашенное в зеленый цвет. Участок при доме, очень ухоженный, располагался слишком близко к дороге. Зная, что Питер Вейдман был архитектором, я ожидала увидеть просторный дом, беседки в саду и бассейн. Но ничего подобного не было.

Я поставила машину на бетонированную площадку у входа. На крыльце позвонила в колокольчик и стала ждать. Возможно, дверь мне откроет горничная. Но нет, в дом меня впустила сама миссис Вейдман – дама около семидесяти, в милом костюмчике из вельюра и туфлях "Ронпорт".

– Миссис Вейдман? Я – Кинси Милхоун, – представилась я, протягивая ей руку.

Видимо, она не ожидала моего жеста, и мы пожали друг другу руки после неловкой паузы. В этой заминке было что-то такое, что навело меня на мысль о ее брезгливости, и я внутренне оцетинилась, никак, впрочем, не показав этого. Ее седые волосы были уложены в две тугие косы. Под глазами – круги. Правда, кожа цвета персика с румянцем на щеках выглядела совсем неплохо для ее возраста (как выяснилось позже, это была умелая косметика).

Она уставилась на меня, словно ожидая, что мы продолжим разговор, стоя в дверях.

– Это по какому же поводу? Боюсь, я забыла, зачем вы хотели прийти.

– Я работаю на Лонни Кингмана. Он адвокат Кеннета Войта по делу против ответчика – Дэвида Барни...

– О, да, да! Конечно. Вы хотели поговорить с Питером об этом убийстве. Ужасно. Вы, кажется, сказали, что ваш коллега скончался. Как же его звали, этого детектива?

Она постучала пальцами по лбу, словно извлекая забытую фамилию.

– Морли Шайн, – подсказала я.

– Да, именно, – она понизила голос. – Мне он показался очень неприятным, несимпатичным.

– Разве? – Я вдруг почувствовала, что закипаю. Мне он всегда казался великолепным профессионалом и прекрасным человеком.

Она наморщила нос и состроила гримасу.

– От него всегда так странно пахло. Я уверена, он был алкоголиком.

Возраст играет с человеком злые шутки: те чувства, что он тщательно скрывает, проступают вдруг на лице и застывают на нем, подобно маске. Это случилось и с миссис Вейдман. Неприятное впечатление.

– Он бывал у нас несколько раз, задавал какие-то глупые вопросы. Вы не собираетесь заниматься тем же самым?

– Я спрошу у вас кое о чем, и, надеюсь, вас это не затруднит. Могу я войти?

– Конечно. Извините, что не пригласила раньше. Питер сейчас в саду. Давайте поговорим там. Я собиралась прогуляться, но сделаю это чуть позже. Вы любите пешие прогулки?

– Нет, я бегаю трусцой.

– Бег трусцой – это вредно для здоровья. Он плохо отражается на коленных суставах, – начала она лекцию. – Вот ходьба – другое дело. Мой врач, Джулиан Клиффорд... вы знакомы с ним?

Я покачала головой.

– Он – врач-ортопед. Он наш сосед и вообще большой друг. Сотни раз он предупреждал меня об опасности бега трусцой. Это бессмысленное занятие.

– Разве? – пробормотала я безразлично.

Она опять завела свою пластинку, приводя новые аргументы, хотя я и слова против не сказала. Мне не нужна старуха, которая так отзывалась о Морли. Тем временем мы прошли по коридору в глубь дома. Снаружи он напоминал небольшое ранчо, однако внутри явно господствовал восточный стиль – персидские ковры, шелковые ширмы, расписные потолки, черные лакированные столики с перламутровым узором. Несколько ваз отвечали этому же стилю.

Пройдя через дом, мы очутились во внутреннем дворике, откуда несколько ступенек вели в небольшой сад, отделенный кирпичной стеной. Далее был еще небольшой участок – с деревьями и кустарником. В воздухе пахло опавшими листьями. Изредка доносились голоса птиц.

Во внутреннем дворике стояло несколько кресел с выцветшей от солнца обивкой. Питер Вейдман дремал в одном из них, открытая книга лежала у него на коленях. Недавно я видела эту книгу в магазине – очередные мемуары какой-то знаменитости, изложенные от ее имени оборотистым писакой. Судя по всему, Вейдман одолел страниц пять, не больше. Вокруг кресла виднелись столбики пепла от сигарет. Бедняга, ему не разрешают курить дома.

Он выглядел так, как выглядит человек, всю жизнь проработавший и внезапно застигнутый пенсией. Теперь его вырядили в джинсы и рубашку. Джинсы были совсем новые, две верхние пуговицы на них были расстегнуты, являя из-под себя ткань трусов. Ну почему эти мужики выглядят так незащитно, когда на них напяливают домашнюю одежду? Питер был худощавый мужчина с густыми бровями и короткой седой шевелюрой. Они с Иоландой достигли той стадии пятидесятилетнего брака, когда жена больше похожа на мать своего мужа.

– Вот это называется активное время препровождение на пенсии, – с улыбкой прокомментировала Иоланда. – Я бы тоже хотела так проводить свои дни на пенсии, но, к сожалению, я никогда не работала. – Она старалась держаться бодро и весело, но видно было, что на душе у нее тоскливо и грустно. Она дотронулась до плеча мужа, явно жалея его сон.

– К тебе пришли, Питер.

– Может быть, я зайду попозже? Не будите его.

– Он не рассердится. Другое дело, если бы он весь день проработал. – И она снова позвала его: – Питер!

Он встрепенулся, не понимая, где находится.

– У нас гостья. Это по поводу Изабеллы и Дэвида. Секретарь мистера Кингмана решила навестить нас. – Она повернулась ко мне, спохватившись: – Надеюсь, я все правильно сказала. Вы же не адвокат?

– Нет, я частный детектив.

– Да-да, вы не похожи на адвоката. Ваша фамилия, я опять забыла...

Мистер Вейдман отложил книгу в сторону и встал. Протянул мне руку: "Питер Вейдман". Мы обменялись рукопожатиями.

– Я – Кинси Милхоун, извините, кажется, вам помешала?

– Ничего, ничего. Хотите чашку кофе или чая?

– Спасибо.

Иоланда сказала, обращаясь к мужу:

– Здесь довольно прохладно, пойдемте в дом. – Она повернулась ко мне: – У него дважды был грипп этой зимой, это так тяжело, пришлось столько суетиться вокруг него. Мужчины, когда болеют, совершенно беспомощны.

Говоря это, она подмигнула мне, вероятно, думая, что Питер станет оправдываться.

– Да, к сожалению, роль пациента мне плохо удается, – сказал он.

– Ну, в такой роли не стоит стремиться к совершенству, – ответила я.

Он сделал жест рукой: "Поговорим в доме".

Мы проследовали друг за другом в дом, показавшийся мне очень душным после свежего воздуха. Мебель в этой комнате была такая же потертая и выцветшая, как и кресла во дворике. По всей видимости, дом делился на "его" и "ее" половину. Ее половину украшали сверх меры дорогие вещи, привезенные, должно быть, из заграничных поездок. Ее половиной была гостиная, столовая, кухня, спальни, кабинет и ванные комнаты. Питеру остался внутренний дворик и небольшая комната с домашним инвентарем, который она, вероятно, грозилась выбросить.

В комнате Питера Иоланда начала махать руками и морщиться из-за запаха табака.

– Ради Бога, Питер, не кури здесь, это невыносимо. Я не понимаю, чем ты здесь дышишь? – Она подошла к окну и распахнула его настежь, а потом принялась разгонять прокуранный воздух журналом.

Я сама не любительница табачного дыма, но после такой атаки на Питера решила прийти ему на помощь.

– Не беспокойтесь, меня это совершенно не смущает, – сказала я.

Она схватила пепельницу, полную окурков, и снова скорчила гримасу.

– Может быть, вас это и не смущает, но это крайне неприятно. Сейчас я принесу освежитель воздуха, – сказала она и вышла из комнаты. Напряжение сразу спало. Я повернулась к стене, где над камином висели фотографии. Подошла поближе.

– Это ваши?

– Да, в основном.

Питер Вейдман был запечатлен в разных планах. Вот он при закладке фундамента. Рядом мэр города, а на заднем плане – Изабелла Барни. Питер на банкете, при вручении какого-то приза. Питер на стройплощадке рядом с подрядчиком. Одна фотография была вырезана из газеты – открытие нового центра активного отдыха. Судя по маркам автомобилей, большинство снимков относились к семидесятым годам. Многие запечатлели построенные Вейдманом особняки. Два дома он строил по заказу кинозвезд средней величины. Я воспользовалась моментом и осмотрела всю фотогалерею. Люблю наблюдать за людьми в процессе работы – в эти моменты у них появляются черты, незаметные в обычной жизни. К тому же на многих фотографиях рядом с Питером была Изабелла.

В рабочей одежде и строительной каске Питер производил впечатление уверенного в себе человека. Вероятно, это был пик его карьеры, когда дела шли великолепно. У него было признание, были заказы, влияние, деньги, друзья. Он выглядел счастливым. Я невольно скосила взгляд на человека, стоявшего рядом: разница была колоссальной.

Я поняла, что он ждет от меня реакции на снимки.

– Великолепно! – с чувством произнесла я.

– Да, я был удачливым, и даже очень. – Питер указал на одну из фотографий: – Сэм Итон, сенатор от нашего штата. Я спроектировал дом для него и его жены, Мери Ли. А это – Харрис Энджел, продюсер из Голливуда. Вы наверняка о нем слышали.

– Да, какая-то известная фамилия, – сказала я, про себя же подумала обратное.

Иоланда вернулась с освежителем.

– Мария зачем-то поставила это в холодильник, я еле нашла. – Она поставила баллон на стол и нажала на клапан. По комнате поплыл запах – нечто среднее между запахом гуталина и средства против тараканов. Мне захотелось вновь глотнуть воздуха, пропахшего табаком.

Теперь я осмотрела комнату повнимательней. На полу, возле кожаного кресла, возвышалась куча газет, на кушетке, столе также возвышались газеты, потеснившись для тарелки от завтрака. У окна с видом в сад стоял письменный стол со старенькой пишущей машинкой, и там стопки книг, еще одна пепельница, заваленная окурками. Корзина для ненужных бумаг была пуста.

Иоланда перехватила мой взгляд.

– Он работает над историей архитектуры нашего города. – Я отметила в ее голосе затаенную гордость.

– Звучит очень здорово.

– Эта работа помогает мне коротать время, – скромно проговорил Питер.

Иоланда засмеялась.

– Если ему это надоест, в доме для него найдется масса работы. Садитесь, если вам удастся найти место. Или лучше постоит. Я даже не пустила сюда горничную, представляете? Слишком уж грязно. За то время, пока она будет наводить здесь порядок, можно убрать весь дом.

Питер улыбнулся, стараясь замять разговор:

– Ну что ты, Иоланда. Будь справедливой. Я же иногда сам убираю... по крайней мере, два раза в год.

– Но в этом году ни разу, – осадил она мужа.

Он промолчал, подвинул кожаное кресло Иоланде, мне стул. Мы сели. Я отодвинула часть папок, чтобы освободить место на столе.

– Можно, наверное, переложить их на пол, ничего страшного не случится, – продолжала Иоланда.

– Ничего, ничего, – сказала я. По правде говоря, эта игра мне уже надоела. Ее упреки, его оправдания, мои попытки умиротворения...

Питер сказал:

– Ты, кажется, собиралась на прогулку, Иоланда? Я вовсе не хочу тебя задерживать. У нее перекопилось лицо. Она вскочила.

– Я знаю, что и когда мне делать, – можешь не сомневаться.

– Ну-ну, не обижайся, оставайся с нами, – сказал он. – К тому же я уверен, у нашей гостьи есть вопросы и к тебе и ко мне.

– Не выпить ли нам немного шерри? – неуверенно предложила Иоланда. – Я сейчас готовлю. А ты отдохни.

Муж усадил ее в кресло.

– Пожалуйста, не беспокойтесь. Меня ждут еще в другом месте. – У меня уже не было сил терпеть их игры, я достала блокнот и пролиставла его. – Всего несколько вопросов, и они не отнимут много времени.

Питер опустился в кресло.

– Так что вы собственно хотите?

– Извините Питера. Я объяснила ему цель вашего визита, но он не понял. – Иоланда поправила кольцо с бриллиантом на своем пальце.

– Я продолжаю расследование, которым занимался Морли Шайн, – сказала я, не обращая уже внимания на реплики Иоланды. – Если коротко, перед нами стоит задача более убедительно представить позицию истца. Первый вопрос: видели ли вы Дэвида и Изабеллу в тот день, когда произошло убийство?

– Не помню ничего подобного, – ответил Питер.

– Естественно, так как ты лежал тогда в больнице. Вспомни, в тот год пятнадцатого декабря у тебя случился сердечный приступ. До второго января ты пробыл в больнице Святого Терри. Я боялась говорить тебе о смерти Изабеллы, потому что не хотела, чтобы ты волновался.

Питер озадаченно смотрел на нее.

– Да, кажется, ты права. Я и забыл, что все это случилось в одно время. Примерно тогда же они уволились из моей фирмы и сделали свой офис.

– И забрали у тебя всех твоих клиентов, – вставила Иоланда.

– Вы, наверное, страшно расстроились?

Иоланда нервно крутила кольцо на пальце.

– Его послушать, так все было нормально, а на самом деле он очень переживал.

– Нет, нет, Иоланда, ты не права. Я всегда желал ей всего самого лучшего.

– Питер не любит ссор. Он ни с кем не ругается, а с ней-то тем более не стал бы. Хотя, после всего, что они сделали...

– Насколько я понимаю, Изабелла выступила с идеей проектирования миниатюрных домов еще тогда, когда работала у вас.

– Совершенно верно.

– А как же насчет... ну, того, что называется... интеллектуальной собственностью? Разве право на эксплуатацию этой идеи принадлежит не вам?

Питер начал отвечать, но в разговор вмешалась Иоланда:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.